

Восход

Издание Сибирского Рериховского Общества, № 9 (221), Сентябрь, 2012

Н.К. Рерих. ОГНИ ПОБЕДЫ. 1931

...Каждое напряжение, во имя Истины, будет увенчано победою.

Беспредельность, 882

Н.К. РЕРИХ

ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ*

IV

«Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть».

Друзья, любите ли вы врагов ваших?

Умейте «гордиться» не только друзьями, но и врагами. Напрасно вы не любите врагов ваших. Вы должны их любить. Они такие старательные существа. Они так трудятся для вас. Они знают о вас больше, чем вы сами знаете. В старательстве своём они вам приписывают такие тонкие выдумки. В их представлении вы делаетесь и всемогущими и вездесущими. И часто враги помогают вам — вашим лучшим идеям. И удары врагов так часто дают новых, невидимых друзей ваших. Окончив свои «дела», осмелевшие враги сядут в советы и митинги и будут без вас решать о вас. Но творчество жизни обернёт все их решения. Как Миме у Вагнера, милые враги не будут знать, что именно они говорят. Потом они придут с разъяснениями, но всё-таки врагами останутся. Пока не почувствуют удара искры — стрелы. Тогда, обедневшие, они делаются и осторожными и зрячими. И бывает всё как должно быть. Враги часто сердятся. А кто гневается, тот уже бессилен и неопасен. Истошив крик свой, они стараются замолчать вас, но как приятна работа в молчании. И криком и молчанием они полезны вам. Ах, милые враги, если бы вы иногда посмотрели, какой малюсенький человечек натравливает вас. Даже самые грубые сердца были бы сконфужены таким руководителем и союзником. Я уже не говорю обо всём том, когда явные враги заставили вас осмотреться, проверить ваше знание и двинуться с новым упорством.

Да будут благословенны враги!

Но почему вы занимаетесь врагами? Разве мало вам всех друзей ваших? — спрашиваете вы. Конечно, я говорю не для себя и, может быть, не для вас. Но говорю я для младшего поколения. Оно часто не знает, как поступить с первыми врагами, и вместо простого перехода через реку — нагромождает утёсы, теряя драгоценное творческое время. А ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей. Ведь если бы весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все Иерихонские стены тьмы пали бы немедленно. Но до радости мира ещё далеко. Часто мы так твёрдо заучили что-нибудь, что, если бы это было вовсе не так на самом деле, мы всё равно будем

настаивать на своём; вместо третьего глаза отказываемся от двух обычных.

Попробуйте на лесной дороге, опередив спутника, незаметно скрыться в чащу и пропустить его вперёд. Потом вы можете окликать его сзади, а он будет ускорять ход и будет слышать зов впереди. Ибо мозг его знает, что вы должны быть впереди.

Отчего люди не видят синюю лошадь или зелёное лицо? Потому что вопреки очевидности их связанный мозг знает то, чего нет на самом деле.

Сколько споров о жизни, о религии, о знании, о красоте породили связанные мозги. Связанные оковами школ-тюрем. Вот и ваши враги так многое знают непреложно, что они даже помогут будущей культуре. Помогут для себя неожиданно. Они ведь решили задавить вас своими «великолепными» материальными достижениями и вещами. Они водрузили стандарт свой оконченной жизни, оконченной расы. В гордости сознания законченности они обрезали все «ненужные» провода. Что значит «бедный дух» перед мощью складов, набитых хотя бы гнилой мануфактурой?

Враги уже готовы торжествовать и петь гимны своего отрицания. Но происходит «глупая» вещь. Кто-то не хочет взять их товары. Время портит их заготовки. А по видимости, они не могут даже рядом лежать с изделиями древних эпох. И из-за груды хлама победоносно и неоспоримо покажутся лишь творения Духа. Взглянем на музеи нашей планеты хотя бы через одну тысячу лет. Что именно найдут потомки от наших дней — они, которые уже будут давно знать и атомическую энергию, и мощь гармонии? Книжки, газеты, бумаги, ткани стали уже пылью. Цемент и железо уже давно превратились в труху. Все краски стали жёлтыми и серыми. Многие изваяния развалились. Остатки кладбищ стали местами убожества. И рядом с этим печальным ликом ещё останутся монолиты древних эпох, уже не однажды знающие, что такое тысячелетие.

Много изделий врагов ваших унесёт время. Правда, в битве очищения погибнут и некоторые друзья. Но те, которые поймут, что есть гармония, те сохранятся. Ибо они знают, что гармония заключается в соответствии всех частей и всех материалов. Кто знает, для чего творит он и что выражает, тот создаёт и соответствие материалов. Он поймёт, как охранить книги — скрижали знания. Он поймёт, что нелепо ставить цементное изваяние или писать картину заведомо плохими красками на гнилом холсте.

* Окончание. Начало в №№ 5 – 7, 2012.

Н.К. Рерих. ГИМАЛАИ. 1944

Мало-помалу люди поймут, что именно должно сохраниться и как именно сохранить это. Охранить — как след искры божественной энергии.

Но для того, чтобы знать, надо помыслить, надо создать моменты этого подъёма, этого узнавания. Много людей в конце недели ходят в церковь. Много людей в конце недели вспоминают, сколько они должны заплатить по счетам. Но не много людей хотя бы один раз в неделю вспомнили, что за семь дней они внесли в область красоты и знания. И тщетно искусство стучится в эти запертые двери. Этот стук сердца беспокоит мозг не более стука ветра. И ещё плотнее притворяют ставни и завешивают шёлковыми тканями всякий доступ воздуха.

Любить искусство никто не обязан. Большинство разговоров об искусстве поддерживается не любовью, но лишь приличием. Но тем не менее искусство и знание идут.

Постепенно усиливаемый электрический ток даёт возрастающий свет. Затем свет вспыхивает особенно ярко и для нас погасает, но аппарат работает ещё усиленной. Это значит, что зрение наше уже не воспринимает вибраций такого напряжения, но незримый свет растёт.

Или перед вашими глазами начинает двигаться цепь товарных вагонов и заслоняет чудный пейзаж, вагоны ускоряют свой бег. В промежутки между ними начинают мелькать очертания природы. Поезд понёсся быстро, и вы начали видеть как бы сквозь него весь связный пейзаж. Препятствие физического тела исчезло.

Во тьме часто мы не видим растущий свет. Но зато если достремитесь, то снова, сквозь нашу физическую оболочку, мы начинаем видеть истинный мир в его истинном движении.

Так и сейчас часто мы не можем воспринять усиленных вибраций мировых движений. Но сквозь цепь товарных вагонов мы уже начинаем различать вершины гор, к которым рок нас движет. Мы вспомнили о современных условиях творчества. Вспомнили все Голгофы трудностей и подвиги достижений. Конечно, условия искусства и знания в современной жизни ненормальны. Конечно, мы должны знать это и ежечасно помнить об этом. Но если всё движимо творческою любовью, чудом красоты и премудростью знания, то этот треугольник вы всё же не опрокинете, ибо каждая сторона его выявляет две следующих.

И теперь, если мы знаем, что молодое поколение вспоминает о мощи устоев, то, конечно, оно перенесёт это сознание через все трудности жизни. И, произнося слова *братство, любовь, гармония*, мы произносим не смешные, неуместные слова, но говорим слова ближайшей практики жизни.

«Чудо творится среди жизни, среди действия, среди напряжённой гармонии. Ночные видения претворяются не в сказку, но в явления счастливых общений с путями Благословенных. Окно, во тьму открытое, приносит ночные голоса, но зов любви принесёт ответ Возлюбленного».

Новый мир идёт.

Santa Fe, 1921

Наталья ЯРОВСКАЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ*

С увеличением числа братии начала ощущаться потребность введения более определённых и твёрдых правил, явилась нужда в игумене. Но, несмотря на усиленные просьбы братии быть среди них игуменом, Сергей непреклонно отказывался, говоря: «Желание игуменства есть начало и корень властолюбия». Это нестяжание власти красной нитью проходит во всей его жизни. И тогда, по просьбе Сергея, первым игуменом Свято-Троицкой Обители стал тот самый старец Митрофан, который постриг его в монашество. Только после скорой кончины этого старца, уступая просьбам и даже угрозам братии разойтись и нарушить обет свой, ибо, как говорили они: «Ты дашь ответ нелицеприятному Судии — Богу. Мы ради тебя, услышав о добродетели твоей, возложив на тебя всё упование, оставили всё в мире и водворились по твоему согласию на месте сем...», Сергей отправился наконец с двумя старейшими братьями к епископу Афанасию в Переяславль-Залесский. Но в Переяславле уже слышали о подвигах Преподобного, и Святитель Афанасий весьма обрадовался, увидав Сергея, и без колебания повелел ему принять игуменство. Тут же поставил его в иподиаконы и в иеродиаконы и на другой же день облёк его во священство. А в день следующий Преподобный, с глубоким умилением и духовным подъёмом, впервые служил литургию. Отпуская его, епископ Афанасий напутствовал его: «Должно тебе, возлюбленный, немощи немощных нести, а не себе угождать... друг друга тяготы нести и тако исполните закон Христов...»

Можно представить, с какой радостью братия встретила нового игумена, своего давнего наставника. Приняв игуменство, Сергей ничего не изменил в обращении своём с братией, ни в своей труженической жизни, лишь принял ещё большую ответственность. Так же, как и раньше, нёс он все работы и служил братии «как раб купленный», и одежду носил ветхую и покрытую заплатами, так что трудно было различить, кто был старший из них и кто младший, ибо Преподобный с самых первых дней воплотил в образе своём завет первенства, указанного Христом: «Кто хочет между вами быть первым, да будет всем слугою».

В первые годы существования Обители ощущалась сильная скудность и недохватки. «Всё худостно, всё нищетно, всё сиротинско», как выразился один мужичок, пришедший в Обитель Преподобного почитать прославленного и величественного игумена; «чего ни хватись, всего нет». Нередко случалось, что

в Обители не было ни вина для совершения литургии, ни фимиама, ни воска для свечей; тогда, чтобы не прекращать богослужения, зажигали в церковке на вечерние службы берёзовую лучину, которая с треском и дымом светила чтению и пению. Но зато «сердца терпеливых и скудных пустынников горели тише и яснее свечи, и пламень душ их достигал Престола Вышнего». Так, находим свидетельство другого подвижника, по времени близкого к Преподобному Сергию, который пишет: «Толику же нищету и нестяжание имеаху, яко во обители Блаженного Сергея, и самая книги не на хартиях писаху, но на берестех». И действительно, все богослужебные книги и многие другие священные писания были переписаны братией и самим Преподобным в часы досуга на досках и на бересте. Образцы этих трудов, так же как первые деревянные священные сосуды и фелонь Преподобного, из некрашеной крашенины с синими крестами, хранились в Лаврской библиотеке и ризнице.

Свидетельствуя об игуменстве Сергея, тот же подвижник пишет: «Слышахом о Блаженном Сергии... от неложных свидетелей, иже бяху в лета их, яко толику бодрость и тщание имеаху о пастве, яко нимало небрежение или преслушание презрети. Бяху бо милостив, егда подобаше, и напрасни, егда потреба бываше, и обличающе и понуждающе ко благому согрешающие...» Всё это даёт нам облик вечно бодрствующего, зоркого наставника, следящего за каждым братом, особенно же за новичком, и, при всей мягкости своей, не допускающего уклонений от установленных правил. Введённая им суровая дисциплина, требовавшая от учеников постоянной бдительности над мыслями, словами и поступками своими, сделала из его Обители воспитательную школу, в которой создавались мужественные, бесстрашные люди, воспитанные на отказе от всего личного, работники общего блага и творцы нового народного сознания.

Приведённые Епифанием в жизнеописании установленные Преподобным правила указывают на суровость этой дисциплины. Так, после вечерни не разрешалось братии выходить из келий и беседовать друг с другом. Каждый должен был пребывать в своей келье и упражняться в молитве, в уединённом богомыслии и, чтобы руки их не были праздны, заниматься рукоделием, не давая возможности лениности овладеть телом.

Часто в глухие зимние ночи Преподобный обходил тайно около братских келий для наблюдения за исполнением правила его и, если находил кого на молитве,

* Продолжение. Начало в № 7, 2012.

или читающим книгу, или за ручным трудом, радовался духом и шёл дальше; но если слышал празднословиящих, то лёгким ударом в оконце подавал знак о прекращении недозволенной беседы и удалялся. Наутро же призывал провинившихся и наставлял их кротко, но сильно, и приводил к раскаянию. При этом, чтобы не задеть, он часто говорил притчами, пользуясь самыми простыми и обыденными образами и сравнениями, которые глубоко западали в душу провинившегося.

Другим замечательным правилом Преподобного было запрещение братии ходить из Обители по деревням и просить подаяния, даже в случае крайнего недостатка в пропитании. Он требовал, чтобы все жили от своего труда или от добровольных, не выпрошенных подаяний. Труд в его Учении играл огромную роль. Сам он подавал пример такого трудолюбия и требовал от братии такой же суровой жизни, какую вёл сам. Как бы в подтверждение этого правила мы находим следующий пример из жизни самого Преподобного в те дни, когда в Обители ещё существовал порядок особножития.

Преподобный однажды три дня оставался без пищи, а на рассвете четвёртого пришёл к одному из своих учеников, у которого, как он знал, был запас хлеба, и сказал ему: «Слышал я, что ты хочешь пристроить сени к твоей келье, построю я тебе их, чтобы руки мои не были праздны».

«Весьма желаю сего, — отвечал ему Даниил, — и ожидаю древодела из села, но как поручить тебе дело, пожалуй, запросишь с меня дорого?»

«Работа эта не дорого обойдётся тебе, — возразил Сергей, — мне вот хочется гнилого хлеба, а он у тебя есть, больше же сего с тебя не потребую».

Даниил вынес ему решето с кусками гнилого хлеба, которого сам не мог есть, и сказал: «Вот, если хочешь, возьми, а больше не взыщи».

«Довольно мне сего с избытком, — сказал Сергей, — но побереги до девятого часа, я не беру платы прежде работы».

И, туго подтянувшись поясом, принялся за работу. До позднего вечера рубил, пилил, тесал и наконец окончил постройку.

Старец Даниил снова вынес ему гнилые куски хлеба как условленную плату за целый день труда, тогда только Сергей стал есть заработанные им гнилые куски, запивая водою. Причём некоторые ученики из братии видели исходящую из уст его пыль от гнилого хлеба и изумлялись долготерпению своего наставника, не пожелавшего даже такую пищу принять без труда. Подобный пример лучше всего укреплял не окрепших ещё в подвиге самоотвержения.

Эпизод этот очень характерен, — с одной стороны, он ярко свидетельствует, насколько Преподобный

соблюдал установленные им правила — не просить подаяния, но пользоваться лишь плодами рук своих, трудом заработанными; с другой — в нём проступает вся природная кротость его, всё великодушие его, ни одним словом не попрекнувшего чёрствого сердцем и расчётливого брата и ученика, и только потому, что чёрствость эта касалась лишь его самого.

Принято называть подобные поступки Сергия смирением, но вернее объяснить их самоотречением.

В том же жизнеописании приведён ещё один рассказ, тоже связанный с одним случаем острой нужды в Обители. Здесь снова явлена сила веры, терпения и сдержанности Преподобного рядом с малодушием некоторых из братьев. Одолеваемые голодом, они возроптали: «Слушаясь тебя, нам приходится умирать с голоду, ибо ты запрещаешь нам ходить в мир просить хлеба. Завтра же пойдём отсюда каждый в свою сторону и более не вернёмся, ибо не в силах более терпеть здешнюю скудность».

Преподобный же, желая подкрепить малодушных, собрал всю братию и с обычною мягкостью, но и с твёрдостью увещевал не поддаваться искушению, говоря: «Благодать Божия не без искушений бывает; по скорби же радости ожидаем. Сказано: вечером водворится плач, а завтра радость». И не успел он окончить, как послышался стук во врата Обители и вратарь прибежал сообщить, что приехали возы брашен и хлебов.

Случай с хлебами, прибывшими в последнюю минуту, остался в памяти у братии как проявление Высшей Благодати, всегда бодрствовавшей над избранником своим и поддерживавшей его в тяжкие минуты.

Был ещё один чудесный случай, связанный с жизнью Обители, много прибавивший к славе Преподобного. Начало ему положило недовольство и ропот братии на недостаток воды. Находившийся поблизости небольшой ручеек со временем иссяк, река же отстояла слишком далеко от Обители; и вот среди братии поднялся ропот на игумена, что далеко им ходить за водою. На это Преподобный отвечал: «Я хотел безмолвствовать один на месте сем. Богу же угодно было воздвигнуть здесь Обитель. Но держайте, молитесь!» Потом, взяв с собою одного ученика, вышел из Обители и, найдя недалеко в овраге несколько скопившейся воды, воздел руки и обратился к Господу, чтобы даровал им Господь, как некогда по молитве Моисея, воду и на сем месте. Произнеся молитву, Преподобный начертал крест на земле, и тотчас из земли пробился обильный источник чистой, холодной воды, который братия хотела было назвать Сергиевым, но он запретил им. Впоследствии многие, пившие с верою из этого источника, получали исцеление.

Продолжение следует

Н.Д. СПИРИНА

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Бывают семьи как гнёзда света. Каждый из членов такой семьи вызывает, в свою очередь, изумление и восхищение. И изучая их по отдельности, мы неизменно соприкасаемся со всеми членами семьи. Благая семейная взаимосвязь Рерихов так очевидна, что обойти её — значит во многом не понять возникновение того, о ком мы говорим. Если в обычных семьях часто бывает противостояние между родителями и детьми, то в светоносных семьях царит взаимность понимания и чувств. И путь жизни, и цель жизни у них одни; и неповторимая по своим индивидуальным особенностям деятельность каждого не вызывает противодействия, так как преследует одну и ту же цель. И каждый член семьи приносит на общий алтарь *свой* дар на общее благо, на духовное возрождение человечества.

Таковой была семья Рерихов. Образец той ячейки, из которой будет формироваться община будущего. Из малого составляется большое, но надо, чтобы это малое было самого высокого качества, тогда и большое будет на уровне высот будущего века Света и Добра, века Общины Мира.

Сегодня у нас праздник. Сегодня у нас радостная встреча с Юрием Николаевичем Рерихом. Многие, в своё время встречавшиеся с ним, свидетельствуют, что после этого они стали другими. Будем надеяться на это и мы.

Думая о ком-то, мы незримо знакомимся. Это вполне реально, хотя и не очевидно. Но Живая Этика учит нас отличать очевидность от действительности и жить в мире реального. Только так может преобразиться наша жизнь из быта в бытие. И если быт может лишиться нас радости, то принятое нами в сознание бытие — это и есть *радость*.

«У нереального нет бытия; реальное не перестаёт быть; эту конечную истину постигли прозревшие в суть вещей, — говорит мудрейшая книга жизни "Бхагавад-Гита". — Поистине не было времени, когда бы я, или ты, или эти владыки земли не были; воистину не перестанем мы быть и в будущем».

Та высокая, светлая индивидуальность, которая проявилась в личности Юрия Николаевича и через неё озарила наш предрассветный мрак лучами знания и излучениями сердца, всегда *есть*, на каком бы плане, в какой бы сфере ни пребывала. Такое понимание помогает нам объединяться с нею. Высокая цель конференций не только в том, чтобы ознакомиться с жизнью и деятельностью великого человека, получить о нём как можно больше информации, но и в том, чтобы *объединиться* с ним. Объединиться, примкнуть к нему сердцем и духом. Знание даёт сближение

на уровне интеллекта, постижение — на уровне сердечной любви. Она возникает в процессе познания и понимания того, *что* было сделано для блага людей, и признательности за этот подвиг. Сообщения, которые делаются на таких встречах, помогают этому.

Если, как сказано, «тёмные работают на разъединение», то светлые духи объединяют. Сегодня нас объединил Юрий Николаевич Рерих.

Мы приветствуем единомышленников, наших духовных соплеменников, и радуемся встрече с ними. Привет сердца вам, дорогие собратья!

Слово на конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха, 15 августа 1992 г.

Наталья Писарева

ЮРИЙ РЕРИХ

*Дарит жизнь нам примеры героев,
Свет сердец зажигая огнём,
Юрий Рерих стократно достоин,
Чтобы мы вспоминали о нём.*

*Путешественник сильный и смелый,
Славный странник Большого пути,
Для науки он многое сделал,
Светлой Родине труд посвятив.*

*Что он видел в походах великих,
Средь сияющих, звёздных высот?
Гималаев священные лики,
Сердце Азии — света оплот,*

*Где в степи с молоком кобылицы
Люди доблесть впитали свою,
Где ветра, словно дивные птицы,
Обнимают крылами зарю.*

*Там зарницы цвели над горами
В сокровенный, торжественный час,
Там звезды светозарное пламя
Принесло ему Неба указ.*

*В день, когда возвратил он России
Дух и знания Великой Семьи,
Чудной радугой знаки благие
Над родною страной расцвели!*

СОБЕСЕДОВАНИЯ

Ответы Н.Д. Спириной на вопросы присутствующих на «круглых столах» Сибирского Рериховского Общества

Нужно ли совместно читать и обсуждать параграфы из Учения Живой Этики?

Почему нет? Мы так делаем, приносим параграфы. Кого-то какой-то параграф задел, он им горит, делится им, и мы обсуждаем. Или какая-то проблема, вопрос стоит в параграфе. Все начинают думать на одну тему, в одном направлении. Конечно, это очень хорошо. И часто получают очень интересные ракурсы, иногда неожиданно объясняется какое-то положение с новой стороны. Ведь Учение чрезвычайно многогранно, и сколько граней ни затрагивай, всё равно ещё останется.

Если все заинтересованы Учением, значит, вы уже объединены. Общий интерес объединяет больше всего. Общий интерес и общий труд. Вы все можете быть совершенно разными людьми, так же как и мы все очень разные. Тем не менее мы объединены, потому что горим одной идеей, понимаем нашу задачу, которая у нас единая, за которую мы ответим потом, как её выполнили. Все мы очень разные, конечно. Тут уже не нужно думать ни о каких личных симпатиях или антипатиях, этого быть не должно. Все идут по одному направлению, а личность остаётся в таких случаях за бортом ваших занятий. Если каждый будет свою личность вносить, то никогда согласия не добиться.

Что такое случайность в свете кармической закономерности? В Учении сказано, что «случайностей не бывает», но, с другой стороны, в «Письмах Махатм» говорится о случайно убитых. Как это понимать?

Это значит, что кармически это не было предусмотрено, они не должны были погибнуть, но, может быть, из-за своей неосмотрительности они попали в какую-то аварию. Это действительно не было предусмотрено судьбой. Потому что карма — это одно, а случайности бывают по недосмотру. Ведь мы часто бываем и легкомысленны, и чего-то не додумываем, не доделываем, не понимаем, вовлекаемся во что-то вовсе не кармическое, а допущенное. Что уготовано, то будет всё равно, но есть и очень хорошее изречение: «Бережёного Бог бережёт».

Могут быть и допущенные болезни?

Да, конечно. Может быть, эта болезнь не предугадана по гороскопу, а вы взяли и выбежали не одевшись

на холод или напились холодной воды, — словом, вы сделали какую-то глупость, себя не поберегли. Это будет случайная болезнь, а не по гороскопу и не кармическая, — вы сами виноваты. Эти случайности — кажущиеся противоречия, а на самом деле противоречий нет, случайностей не бывает в смысле судьбы, кармы или гороскопа. И всё-таки сказано: «Энергия и воля — властители кармы» (*Агни Йога*, 127). Если даже по карме нам что-то и предстоит, то когда мы вкладываем всю нашу энергию и волю — мы можем противостать карме.

То есть можем обгонять карму?

Или обгонять, или преодолевать её. Например, по карме нам суждён неудачный брак. Но если вы соберёте все свои силы и скажете: «Нет, я не пойду замуж или не женюсь, я вижу, что это не то», — вам будет трудно, вы будете рваться туда, но вы преодолеете — вот это и есть власть над кармой, и вы уже не пострадаете от несчастливой семейной жизни. Она не отодвинется, вы её просто преодолели, вы её уже в себе изжили. Так и с любыми другими увлечениями, их очень много в жизни.

Приходится жить с людьми, которые постоянно раздражают, а расстаться невозможно. Что делать?

Терпеливо к ним относиться. Не раздражаться на них, понимая, что они таковы и ничего с ними не поделаешь, но жить вместе надо. Думать о них лучше, чем они есть на самом деле, и, конечно, запастись терпением и терпимостью.

Можем ли мы проводить в школах беседы о Живой Этике с учениками и преподавателями, ведь в Учении указано, что нельзя воздействовать на неподготовленное сознание? И если можно, то в какой форме?

В той, в какой они могут это переварить, то есть по сознанию. Только так. Надо искать такие формы и наблюдать, как воспринимают. Конечно, нельзя сразу давать в чистом виде Живую Этику, а подойти через культуру, искусство, литературу, музыку, живопись. Показывать картины Рериха — это более безопасно, а читать тексты Учения в чистом виде — это не все смогут переварить.

Ольга ОЛЬХОВАЯ

«Будем неутомимо трудиться на Указанном Пути»*

Часть II

Ещё в 1934 году Елена Ивановна Рерих писала о старшем сыне американским сотрудникам: «Истинный сподвижник своего отца, доверяйте его знанию и силе. Он — прирождённый вождь и явит спасение и мощь там, где указано. Пришло время осознать силы, явленные Вл[адыкой], ценить их и всячески охранять этих представителей»¹. Нам остаётся только в меру нашего понимания представить, насколько возросла мощь Ю.Н. Рериха ко времени его возвращения на Родину.

В августе 1957 года Юрий Николаевич Рерих приезжает в Советский Союз. Начинается московский период его жизни и научной деятельности. Это было время, когда имя Николая Константиновича Рериха оставалось под негласным запретом. Годом-двумя раньше из ссылки вернулись имевшие контакт с Рерихами прибалты, отбывавшие срок за свои убеждения. О великих философских идеях, которые принесла человечеству семья Рерихов, на Родине знали немногие и говорить об этом открыто не могли. Мы помним, как Наталия Дмитриевна Спирина, приехавшая в Советский Союз в 1959 году, рассказывала: «...я не надеялась дожить до такого момента, когда открыто будет обсуждаться этот кладёз духовной мудрости, который доселе изучался индивидуально, без всякой огласки»².

Широко известны слова Павла Фёдоровича Беликова, сказавшего о Юрии Николаевиче: «Как и Гэсэр, он был по складу своего характера воин. Внешний вид кабинетного учёного был лишь доспехом этого воина»³. Кто же другой, как не этот воин, мог выполнить труднейшую миссию — передать Родине знания, накопленные великой семьёй. Но Ю.Н. Рериху предстояло не только вернуть художественное и научно-философское наследие своих родителей. Блестящий энциклопедист, владеющий обширными познаниями во многих областях науки, учёный, обладающий даром научного синтеза, — таким его знал внешний мир, и именно «вид кабинетного учёного» должен был помочь Юрию Николаевичу в решении

главной задачи — дать импульс новому сознанию соотечественников. Роль Ю.Н. Рериха в формировании нового, подлинно научного мировоззрения огромна и пока ещё в полной мере в нашей стране не осознана.

Не касаясь времени правления Никиты Сергеевича Хрущёва и всех диаметрально противоположных мнений о нём (всестороннюю оценку его деятельности предстоит дать будущим учёным-аналитикам), скажем о том, что мы навсегда сохраним благодарность этому руководителю нашего государства за «хрущёвскую оттепель», позволившую вернуться из Харбина на Родину нашим учителям — Б.Н. Абрамову и Н.Д. Спириной, за его роль в возвращении Ю.Н. Рериха в Советский Союз, за тёплое отношение к нему и поддержку впоследствии.

Мы уже многое знаем о деятельности Юрия Николаевича в московский период его жизни, знаем о том, что он привёз на Родину всю принадлежавшую ему часть коллекции и передал в музей 418 картин Н.К. Рериха с условием постоянного их экспонирования. Знаем об ошеломляющем успехе первых выставок картин Николая Константиновича, после которых подобно факелу вспыхнул массовый интерес к творчеству великого мастера. Знаем, что именно Юрий Николаевич Рерих фактически инициировал рериховское движение в России.

В первой части нашей статьи мы коснулись вопроса о том, что своими научными трудами он расчищал путь к основам подлинного Учения Будды, расчищал путь науке будущего. Сейчас остановимся на том, какой ценой ему приходилось этого добиваться. Раскажем о его московской голгофе.

Вскоре после его приезда в СССР в Институте востоковедения Академии наук благодаря Н.С. Хрущёву был специально организован сектор философии и истории религий Индии, который и возглавил Ю.Н. Рерих. Молодые аспиранты обожали своего руководителя, но со стороны руководства института к нему было совершенно другое отношение.

С большим трудом Юрию Николаевичу удалось возобновить издание серии «Библиотека Буддизма», которое прервалось в 1930-е годы, когда была разгромлена старая школа востоковедения. В этой серии вышла «Дхаммапада» — сборник изречений Будды,

* Окончание. Начало в № 8, 2012.

¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 2. М., 2000. С. 57.

² Спирина Н.Д. Полное собрание трудов. Т. 1. Новосибирск, 2007. С. 128 – 129.

³ Непрерывное восхождение. Т. 1. М., 2001. С. 487.

часть буддийского канона. Ответственным редактором был Ю.Н. Рерих. События, связанные с этим изданием, по единодушному убеждению очевидцев, роковым образом сказались на безвременном уходе Юрия Николаевича Рериха.

Маргарита Иосифовна Воробьёва-Десятовская, доктор исторических наук из Санкт-Петербурга, рассказывала нам: «Президиум Академии наук страшно возмутился, что это пропаганда религии, пропаганда буддизма. Юрия Николаевича вызвал заместитель директора института и устроил ему разгон — кричал на него и топал ногами, — дескать, что он себе вообще здесь позволяет? Это не Запад, это Советский Союз, и у нас всё другое, и идеология другая.

А потом ему устроили большую проработку на заседании Президиума. Один из академиков тоже выступил очень резко, говорил, что Институт востоковедения допустил совершенно аморальную и антисоветскую вещь, издав такую книжку, а учёный, вернувшись с Запада, позволил себе поддержать эту инициативу и быть редактором этой книги. Они Юрия Николаевича считали западным учёным!»⁴

Рассказ *Андрея Николаевича Зелинского* (директора Центра ноосферной защиты им. академика Н.Д. Зелинского, Москва) дополняет картину этих событий: «В то время выпустить сборник изречений Будды — своего рода Евангелие буддизма на русском языке — это можно приравнять к взрыву бомбы. У нас вообще такой литературы не выходило. И вот с очень большими трудностями в начале 1960 года Институт востоковедения выпускает "Дхаммападу". Не успели её выпустить, как тираж задержали в типографии, потом на складе, а потом Юрия Николаевича вызвали в дирекцию, устроили совещание о недопустимости этого издания. Юрий Николаевич был совершенно ошарашен, он вообще к такому стилю общения не привык. И он тогда сделал то, что всех страшно удивило, — он встал и говорит: "В таком случае я подаю в отставку". Эта форма была для нас непривычной, и у него никакой отставки не приняли, и он, конечно, остался в институте. Но это на него произвело очень тягостное впечатление и, без сомнения, ускорило его смерть»⁵.

В докладе, прозвучавшем в Новосибирске на конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха, Кира Алексеевна Молчанова приводит сказанные ей слова самого Юрия Николаевича: «"Дхаммапада" напечатана в типографии, но меня продолжают пытаться, зачем издавать буддийские религиозные книги. Не успею на одном совещании

Ю.Н. Рерих. Москва, 1958 – 1960

объяснить, доказать, приглашают на другое. И там всё то же самое. Но как же понимать другие народы, дружить, если не знать их культуру?»⁶

В любых условиях Юрий Николаевич оставался верен своим убеждениям, он никогда не шёл на компромисс. *Очирын Намсрайжав*, известная монгольская деятельница международного женского движения, познакомившаяся с Юрием Николаевичем Рерихом во время его приезда в Монголию на конгресс монголоведов, в своих воспоминаниях приводит следующий факт. В 1960 году она встретила с Юрием Николаевичем в Москве, и он сказал: «Сейчас идёт сбор подписей против Ринчена, но я не подписал. Ко мне приходили...»⁷ Поясним, что в сегодняшней Монголии академик Ринчен признан учёным с мировым именем, крупнейшим прозаиком и поэтом, одним из основоположников современной монгольской

⁴ Из интервью М.И. Воробьёвой-Десятовской. 2002 г. Архив СибРО.

⁵ Из интервью А.Н. Зелинского. 2002 г. Архив СибРО.

⁶ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. Новосибирск, 1994. С. 15.

⁷ Вестник Ариаварты. 2005, № 1 – 2. С. 46.

Ю.Н. Рерих с бурятскими учёными. Улан-Удэ, 1959

литературы. А тогда травля учёного началась после того, как он негативно отозвался о вышедшей книге «История Монголии». Нетрудно догадаться, какова была реакция руководства института на такой отказ Юрия Николаевича, ведь этим он фактически посягнул на идеологию, которой должны были следовать все граждане страны.

Академик Монгольской академии наук *Шагдарын Бира*, называющий Юрия Николаевича своим Гуру, рассказывал, что, будучи в Монголии, Юрий Николаевич несколько раз посетил Гандан — единственный уцелевший и функционирующий монастырь в Улан-Баторе. «Он встречался с бывшими ламами, которых выпустили из тюрем... Юрий Николаевич говорил о необходимости использовать возможность развития тибетологии и монголоведения... с привлечением бывших лам, профессоров. Почему бы их не пригласить в Учёный комитет или в университет, пусть они занимаются сами и обучают молодых людей»⁸. Вряд ли эта позиция учёного вызвала одобрение со стороны руководства Института востоковедения.

«Он верил в будущее Монголии, породившей Чингисхана, которого учитель любил называть "Монгольским Прометеем"»⁹, — говорил Шагдарын Бира.

Александр Моисеевич Пятигорский, знаток санскрита и тибетского языка, переводчик древних индусских и буддийских священных текстов, впоследствии профессор Лондонского университета, был одним из учеников Юрия Николаевича в те далёкие 1950-е годы. Как вспоминал А.М. Пятигорский,

Юрий Николаевич «нас удивил с самого начала. (...) Говорят, он был человеком из другого мира. Ничего подобного. Я думаю, что в любом мире, и у нас, и на Западе — в равной мере — Юрий Николаевич был человеком особым. И эта особенность его проявилась с первого момента. Особость его исключительной, я бы сказал, буддийской личности»¹⁰.

Александр Моисеевич описывает реакцию Юрия Николаевича на бурное негодование его учеников, видевших, от каких чиновников зависит осуществление научных планов их любимого учителя: «Юрий Николаевич мягко-мягко пожал

плечами и сказал: "Но вы ведь прекрасно помните буддийские тексты. Этот человек — такой же поток сознания, с такой же кармической отягощённостью, каковыми являетесь вы"»¹¹.

Положение Юрия Николаевича в институте становилось всё хуже, начались нападки на его научную линию, «и назревал новый скандал в дирекции и парторганизации. Мы опять атаковали Юрия Николаевича в его кабинете и спросили: "Что делать?" (...) И я помню, он сказал: "Что делать? По-моему, всё в порядке. Учить тибетский". — "Как учить тибетский, когда *такое* происходит?!" — "А какое имеет отношение ваше решение учить тибетский к тому, что происходит? Ведь этим вы себя немедленно ставите в зависимость от того, что происходит". (...) А потом он ещё раз улыбнулся и, взглянув на меня, — я ему всё время жаловался, что мне плохо даётся санскрит, — мягко добавил: "И санскрит". А потом уже на выдохе: "И пали". Мы думаем: "Ну, это уже совсем чистая утопия..."»¹²

«Юрий Николаевич объяснял нам, что надо вести себя таким образом, чтобы не возбуждать вихри в других сознаниях, чтобы не возбуждать враждебности, ненависти. Потому что это не храбрость, а неразумие. А мы, уже тогда очень склонные к диссидентству, считали это высшей доблестью...

Его нельзя было не послушаться, потому что любя его рекомендация действовала именно на ваше

¹⁰ Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»: Т. 2: Новая Россия на пути к единству человечества. СПб., 2005. С. 105.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² Там же. С. 106 – 107.

⁸ Вестник Ариаварты. 2002, № 1. С. 28.

⁹ Там же. С. 25.

сознание и действовала изнутри так, что вам казалось, что это уже работа вашего сознания, а не того, кто этому сознанию помогал развиваться»¹³.

Ученики Ю.Н. Рериха и другие люди, кому довелось общаться с ним, оставили бесценные свидетельства этих контактов, в большинстве они опубликованы. Часть неопубликованных материалов из архивов Сибирского Рериховского Общества предлагается вашему вниманию.

По свидетельству Людмилы Степановны Митусовой, Юрий Николаевич Рерих очень тепло относился к Маргарите Иосифовне Воробьёвой-Десятовской, ставшей впоследствии крупным востоковедом: «Во всём доверял ей, и об этом доверии знал Святослав Николаевич. После ухода Юрия он возложил исключительно на неё разбор кабинета брата».

Из беседы с М.И. Воробьёвой-Десятовской: «Весь научный материал из кабинета Юрия Николаевича в его квартире был доставлен в кабинет Рериха в Институт востоковедения, этот кабинет поначалу занимал довольно большой зал, где были вывешены и танки. Сейчас это маленькое помещение. Но самые ценные издания были оставлены на квартире, в кабинете Юрия Николаевича. Очень много ценного оставалось там, много словарей, которых в то время даже в библиотеках Советского Союза не было.

Юрий Николаевич очень походил на отца, правда, был ниже ростом, но такой же широкоплечий, а его скуластое лицо монгольского типа было очень похоже на лицо Николая Константиновича. Был даже такой случай. Будучи в Ленинграде, Юрий Николаевич пришёл рано утром в здание школы, где когда-то работал Николай Константинович, — там до сих пор сохранилось Общество художников. И когда он шёл по коридору, кто-то из художников оказался там тоже рано, увидел его издали и был так перепуган, что закричал: "Рерих!" — настолько Юрий Николаевич был похож на Николая Константиновича».

Вспомним, как в беседе с А.А. Аренд Юрий Николаевич сказал: «Когда я бывал в Монголии, за мной всегда ходили по пятам люди, спрашивая: "Ты наш? Кто ты?", и когда я говорил, что я русский, не верили мне».

«Он вообще был необыкновенный человек, — продолжала Маргарита Иосифовна. — В то время у нас таких не было — невероятно скромный, даже

Ю.Н. Рерих, Н.К. Рерих. 1934

иногда застенчивый. По своей интеллигентности, выдержанности, мягкости, с которой он обращался с людьми, Юрий Николаевич был человеком совершенно не нашим — из другого, иного мира. Я никогда не слышала, чтобы он повышал голос или резко о ком-то отзывался. Если его не устраивала чья-то работа, которую ему приносили на рецензию, то замечания он делал в самой мягкой форме, никого никогда не обижал. И работать под его руководством было просто одно удовольствие, настолько он был знающим, очень знающим человеком с огромной эрудицией и феноменальной памятью.

К Юрию Николаевичу обращались очень многие — масса людей сразу бросилась к нему со своими работами, все хотели получить советы, просили его быть редактором их книг, если, конечно, это подходило по тематике. У него на столе пачками лежали чужие работы, на которые он писал отзывы. Он никому не отказывал.

Многое из нашей жизни было ему непонятно, он задавал много вопросов, на которые тогда трудно было ответить.

У Юрия Николаевича был набран сектор из молодёжи, большинство ещё не знало ни тибетского, ни санскрита. Это были или лаборанты, или младшие научные сотрудники. И материальное положение было у многих неважное. Он со всеми занимался, приглашал к себе домой, старался помочь — накормить, как-то поддержать. Он понимал, что всё у нас пока несётно и материально трудно, и сектор его буквально боготворил.

¹³ Там же. С. 109 – 111.

Ю.Н. Рерих, В.Т. Черноволенко, М.Ф. Дроздова-Черноволенко, И.М. Богданова, Рошан Ваджифдар. Москва, 1959

У нас в Петербурге сейчас есть буддийский храм, в то время там было какое-то учреждение. И Юрий Николаевич поставил вопрос о передаче этого храма Академии наук.

Когда в Бурятии велась кампания против буддизма и закрыли все монастыри, то все ксилографии свалили в товарные вагоны и привезли в Петербург. Большинство из них попало в Казанский собор, там был музей истории религии и атеизма. Эти материалы лежали где-то в подвалах, потом работникам музея надоело это всё хранить, и большинство материалов забрал наш институт. Так у нас оказалась огромная коллекция из Бурятии. Вот оттуда у нас и танки, и многие ксилографии.

И когда Юрий Николаевич всё это увидел, то он думал использовать буддийский храм именно под хранилище — сделать из него музей и хорошую библиотеку тибетских рукописей. И такое решение состоялось — храм действительно передали Академии наук. Надо было делать ремонт, менять кровлю, которая сильно протекала, и много других работ требовалось. На это нужны были средства, мы составляли планы, но в 1961 году умер директор нашего института академик И.А. Орбели, который был очень заинтересован в этом

храме. И через какое-то время институт, у которого не было своих средств на восстановительные работы, отказался от этого строения.

После смерти Юрия Николаевича мы туда ездили со Святославом Николаевичем — его интересовал витраж, сделанный Николаем Константиновичем, Святослав Николаевич фотографировал этот витраж.

Юрию Николаевичу было сложно, очень сложно во многих отношениях. Например, была дама, которая жила в том же доме, где и он, и регулярно посещала его квартиру, якобы она была с ним в большой дружбе. Приходила и спрашивала: "А какие письма вы получили?" Юрий Николаевич понимал, что это неспроста, не просто по-соседски. Наверное, он давал ей не всё, но что-то ей давалось, за чем-то она могла проследить. Как-то, когда я там была, за чайным столиком, когда нас всех угощали чаем, она завела такую "душеспасительную" беседу: дескать, приехали бы вы сюда в 1937-м году, так вас бы в живых не было, ваше счастье, что вы не приехали, потому что очень много среди учёных было неблагонадёжных людей».

В завершение разговора Маргарита Иосифовна сказала: «Я понимаю, что тогда я чего-то даже не осознавала. Сейчас, со временем, после того как прошло много лет, уже начинаю понимать, что, действительно, спустилась какая-то небесная сила в наш муравейник, который у нас был... К сожалению, так мало Юрий Николаевич был с нами»¹⁴.

Из интервью с Андреем Николаевичем Зелинским: «Мы познакомились с Юрием Николаевичем в мае 1958 года на заседании Московского клуба туристов, где он читал доклад, и потом виделись с ним сравнительно часто в течение двух лет. К сожалению, в первый год его жизни здесь нас судьба не свела. Когда мы с ним встретились, он уже год прожил в Москве. Юрий Николаевич оставлял впечатление совершенно здорового цветущего человека. У него был потрясающий цвет лица, было такое ощущение, что он только что спустился с Гималаев. Ощущалось колоссальное излучение жизненной энергии! И конечно, его очень высокое духовное излучение тоже невозможно было не почувствовать.

Он много говорил мне о своих впечатлениях, связанных с Советским Союзом, куда он давно стремился попасть и попал только благодаря Хрущёву, давшему своё добро. Отношение к нему в институте, я считаю, было глубоко возмутительным. Приехал человек такого масштаба, а ему два года тянули с присвоением доктора наук! Вы представляете?

¹⁴ Из интервью М.И. Воробьёвой-Десятовской. 2002 г. Архив СибРО.

Юрию Николаевичу Рериху, учёному мирового масштаба, два года спустя не звание академика присваивают, а торжественно вручают диплом доктора наук! — просто смешно. Был такой период, когда в Институте востоковедения он занимался с учениками в проходной комнате под лестницей, это помнят многие. Потом ему дали кабинет.

И квартира, которую ему выделили, была небольшая для его колоссальной библиотеки и огромного количества картин. Он спал в маленькой комнатке на раскладушке. Правда, всё это не имело значения во время наших встреч с ним. Когда я сидел у него в кабинете и мы с ним разговаривали, то все эти мелочи жизни таяли как туман, и в памяти оставались его интеллект, его сердечность, его глубочайшие познания... Потом мы обычно пили чай в другой комнатке, и когда я ехал обратно, впечатление было такое, что земное притяжение в значительной степени стало меньше, ощущение, будто у меня крылья выросли. Видимо, он мог очень много энергии своей передать.

Юрий Николаевич, с одной стороны, конечно, был глубоко счастлив, что вернулся на Родину, — он этого не скрывал. Но одновременно он был очень разочарован, особенно в последний год. Разочарован не страной, не людьми, а приёмом тех властей, с которыми он должен был иметь дело каждый день. Он же не мог всё время писать в правительство, звонить Хрущёву, жаловаться или что-то просить. Он словно стоял перед какой-то стеной. И часто он говорил мне: "Андрей Николаевич (несмотря на мой молодой возраст, он называл меня по имени и отчеству), скажите, а почему мне так трудно всё? Почему так сложно и я часто ничего не понимаю? Почему я не могу осуществить то, что хочу?"

У него же были колоссальные задачи и огромный научный задел! Возьмём хотя бы его труд "История Средней Азии". Он не мог найти людей, которые бы при его жизни помогли ему закончить эту работу, т.е. сделать считку, вёрстку и всё, что необходимо для макета книги... После его ухода из жизни, когда я заговорил в Институте востоковедения, что имеется такая рукопись, то реакция так называемых специалистов была следующая: "Эта работа совершенно устарела. И зачем её вообще печатать?"

С того времени прошло больше сорока лет, но и сейчас, когда эту рукопись Международный Центр Рерихов предложил петербургскому Институту востоковедения и попросил, чтобы они помогли отредактировать и прокомментировать эту работу, знаете, что сказали так называемые корифеи?! Не буду называть их имён, но вердикт был такой же: "Это совершенно всё устарело". А что, собственно, может устареть

Ю.Н. Рерих. Москва, 1958 – 1960

в истории? Может, Александр Македонский устарел? Или, может быть, Александр Невский?

Эти учёные, по-видимому, считают, что они живут в совершенно новой эпохе и им это не нужно. Что им до понимания истории, как её понимали наши великие историки и предшественники, чей взгляд на кочевников, на степь, на культуры, которые когда-то предшествовали Руси, был и остался им абсолютно чужд — как 40 лет тому назад, так и сейчас. И поэтому многие от Юрия Николаевича отворачивались, когда он приехал, потому что он для них был чужой. Как бы чуждый элемент с совершенно другим мировоззрением. Ведь у каждого историка культуры есть своё мировоззрение.

Юрий Николаевич был близок к знаменитой русской школе евразийцев, основателями которой в 1920-е годы были три столпа: князь Николай Сергеевич Трубецкой; Пётр Николаевич Савицкий — экономист и географ, блистательный идеолог-евразиец, который знал и высоко ценил Юрия Николаевича; и сын Владимира Ивановича Вернадского, Георгий

Ю.Н. Рерих. Москва, 1960

Он стоит в профиль и смотрит на озеро. Необычный какой-то снимок получился — условный, немножко не в фокусе, но зато очень выразительный.

Возвращаясь из Переяславля, мы заехали в Лавру, были у раки Преподобного Сергия, поклонились его мощам. Мы с ним были вдвоём, это очень запомнилось.

Как-то он был у нас дома в декабре 1959 года, и моя мама, человек очень наблюдательный, художник, спросила его: "Юрий Николаевич, что это вы плоховато выглядите?" У него уже цвет лица к тому времени изменился, стал такой, знаете, устойчиво-серый. Он менялся буквально на глазах...

Последний раз Юрий Николаевич был у нас на Пасху 1960 года, дней за 10 до приезда брата, значит — за 20 дней до смерти. Он приехал, поздравил нас, мы похристосовались. Во время разговора моя мама спросила: "Юрий Николаевич, приезжает Ваш брат с женой, они у Вас останутся?" Юрий Николаевич ответил: "Девика Рани к таким хоромам, как у нас, не привыкла. Она у нас никогда не остановится". Вот такой был грустный юмор. В общем, мы посидели хорошо, но в воздухе уже висело что-то очень тяжёлое. И когда я стал ему показывать некоторые вещи, стараясь его как-то оживить, заинтересовать, Юрий Николаевич смотрел совершенно безучастным, потухшим взглядом, и видно было, что он думает о чём-то своём.

Последний раз я его видел 11 мая на открытии выставки С.Н. Рериха в Музее изобразительных искусств им. Пушкина на Волхонке. Я попросил знакомых из Красногорского архива организовать съёмку, мне хотелось, чтобы что-то сохранилось на память, ведь получить что-то от официальной съёмки невозможно, не допросишься. Портрет, который теперь широко известен, это увеличенный кинокадр 35-миллиметровой плёнки, он был сделан по моей просьбе.

Многие люди побаивались с ним входить в контакт. Даже когда я принял участие в его похоронах, на меня смотрели как-то странно: почему этот молодой человек (а тогда мне было 26 – 27 лет) так активно участвует? Видимо, у него какое-то разрешение, может быть, он связан с органами? Юрия Николаевича кремировали по желанию его брата, Святослава Николаевича. И когда надо было получать его прах, знаете, кто поехал? Странное сочетание двух людей: сын знаменитого героя Гражданской войны Григория Котовского и ваш покорный слуга — мы вдвоём ездили за прахом Юрия Николаевича в Донской крематорий. Это был очень тяжёлый для нас день. Мы отвезли урну Ираиде Михайловне, и она долго стояла в квартире, до тех пор, пока не был поставлен памятник на Новодевичьем кладбище по проекту Святослава Николаевича, где она и была захоронена.

Юрий Николаевич ко мне очень хорошо относился. Мы встречались раз в месяц-полтора. Ведь это было очень много при его занятости. Знаете, что запоминается? Запо-

Владимирович, который тоже знал Рериха. В основе направления, которого придерживались эти учёные, лежала простая мысль о том, что Россия с её культурой, с её традициями в историко-философском смысле является совершенно самостоятельным, огромным культурно-историческим миром, особым пространством.

Как-то в разгар лета 1959 года Юрий Николаевич пригласил меня поехать по маршруту Переяславль-Залесский — Троице-Сергиева Лавра. Мы поехали с ним вдвоём. Знаете, что мне запомнилось? Он был очень грустный. Может быть, он уже понимал, что не сможет осуществить очень многое из своих научных и культурных замыслов... Мы доехали до Переяславля-Залесского — родины Александра Невского, были в храме, где его крестили. Этот храм тогда был в полном развале, там был какой-то склад. Он с грустью осмотрел его, потом мы поднялись по стенам монастыря, который выходит к Плещееву озеру, смотрели на пологий склон с редкими деревьями, дальше дома крестьянские, за склоном озеро. Я тогда взял с собой кинокамеру и снял его в тот момент, когда он сосредоточенно стоял и смотрел на фоне арки в крепостной башне монастыря.

минается то, что очень трудно передать в словах. Энергия личности, её духовный заряд и колоссальная нравственная высота. Она каким-то образом передаётся другому человеку, если тот способен воспринять. Это остаётся как некий аккумулятор на многие годы, который продолжает действовать и работать как бы уже в памяти, в сознании, в сердце. Он был человек, которого невозможно забыть»¹⁵.

Приведём пронзительное высказывание *Гунты Рихардовны Рудзите*: «...несмотря на радость возвращения на Родину и выполнение заветов родителей, в жизни Юрия Николаевича вряд ли найдём период более тяжёлый, чем эти внезапно оборвавшиеся три года в Москве. Кажется, лучше всего говорит об этом картина Святослава Николаевича "Пиета" (1961), посвящённая брату и предоставленная нам вместо портрета Юрия Николаевича, который все горячо требовали. Мать держит на руках сына-мученика, снятого с креста, убитого теми людьми, которым он отдал всё — знания, работу, жизнь. Изменились ли мы? Или всё ещё готовы встать против каждого, кто нам чужд, непонятен? Но без надежды жить нельзя: беспросветный тёмно-синий фон боли в картине пересекается розовым лучом надежды... Разве, чтобы понять, оценить, нужен нам был такой удар? "Они умеют почитать только мёртвых", — когда-то горько отметил Николай Константинович. (...)

Весной 1960 г. Юрий Николаевич мечтал об отдыхе в степях родной Монголии. Предполагал переехать работать в Бурятию, в Улан-Удэ. Не успел, ушёл в другой мир, устрасаясь внезапно. А может быть, он и знал, и чувствовал. За неделю до ухода, во время трапезы с ближайшими друзьями он усадил моего отца на своё место и просил всех работать вместе, поддерживая друг друга. Он ушёл более одиноким, чем когда-либо».

«Трудно было ему здесь, но он успокаивал нас: "Не трудно ли вам? Крепитесь, крепитесь, крепитесь!"»¹⁶

Юрий Николаевич Рерих ушёл из жизни 21 мая 1960 года.

«Его ранний уход — незаменимая утрата, с ним ушли не только его светлая личность, но и

Ю.Н. Рерих. Переяславль-Залесский, 1959

те замечательные знания, которые он обрёл в контактах с выдающимися учёными Востока, бывшими тогда ещё в живых, знания, которые он полностью так и не успел передать своим сотрудникам»¹⁷ (*С.Н. Рерих*).

Закончим отрывком из стихотворения Н.Д. Спириной по картине Н.К. Рериха «Указ Учителя»:

*...Указ неся перед собой,
Как держат факел ночью тёмной,
Как знамя, выступая в бой,
Несут рукою непреклонной.*

*Не дрогнув и не сбавив шаг,
Пойдёшь исполнить то, что надо.
Отступит пред тобою враг
И рухнет каждая преграда —*

*Лишь потому, что ты хранишь,
Как талисман, указ священный,
Который с горней Вышины
Тебе послал Благословенный!*¹⁸

¹⁵ Из интервью А.Н. Зелинского. 2002 г. Архив СибРО.

¹⁶ Ю.Н. Рерих: Материалы юбилейной конференции. М., 1994. С. 21, 26, 24.

¹⁷ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. М., 2002. С. 8.

¹⁸ *Спирина Н.Д.* Полное собрание трудов. Т. 3. Новосибирск, 2009. С. 234.

Ю.Н. ПЕРИХ

ПУСТЫНЯ ПОКОРЯЕТ СЕРДЦЕ*

С наступлением марта 1927 года для экспедиции началась страдная пора. Нужно было выбрать маршрут, укомплектовать экспедицию рабочими и обеспечить караванными животными. Также предстояло частично обновить снаряжение, отремонтировать и реконструировать палатки и пополнить запасы продовольствия.

Ещё не все области Внутренней Азии были изучены, нужно было искать новые районы, исследовать их и запечатлеть в картинах. Китай исключался из-за ожесточённой внутренней борьбы, охватившей эту огромную страну. Оставался Тибет — страна снегов, — Тибет, который в прошлом привлекал внимание блестящей плеяды исследователей.

Сначала невозможно было сказать, в каком направлении мы сможем пройти по Тибету, чтобы добраться до периферии Южной Азии. Центральный Тибет с его большими городами-монастырями казался идеальным местом для исследования древностей. Большая часть печатных дворов находилась недалеко от Лхасы и Шигацзе, и мы надеялись приобрести там интересную коллекцию гравюр и рукописей. Было принято решение направиться к Центральному Тибету и уже там выбрать дальнейший путь. Оказавшись в Центральном Тибете, мы могли либо продолжать путешествие по юго-восточному району страны и переправиться в провинцию Юнань в Китае и оттуда во Французский Индокитай, либо через крайне непривлекательную, покрытую лесом местность, пересечённую многочисленными реками, Британскую Бирму.

...Чтобы обеспечить безопасное продвижение экспедиции через запретную часть Тибета, нужно было получить соответствующее разрешение от тибетского правительства.

В феврале 1927 года тибетский представитель в Улан-Баторе направил запрос по телеграфу в Лхасу. Из тибетского консульства был послан специально чиновник. К концу марта он возвратился с доброй вестью, что правительство Лхасы дало санкцию на выдачу паспортов членам экспедиции.

Много дней пришлось потратить на то, чтобы получить сведения о населённых пунктах маршрута, о переходах, о состоянии водных ресурсов в пустыне и транспортных возможностях. Единственная экспедиция, проходившая по некоторым участкам этого маршрута, была организована генералом П.К. Козловым в 1899 – 1901 годах. Юго-запад Гоби остаётся одним

из наименее изученных районов пустыни Монголии и Центральной Азии.

Из существующих карт этого района мы могли получить весьма смутное представление об этой стране. Кроме того, те немногие монголы, ламы и тибетские торговцы, которые находились в Улан-Баторе и знали этот путь, различным населённым пунктам давали разные названия, и было совершенно невозможно вычислить маршрут по существующим картам. Единственные пункты маршрута, которые можно было нанести на карту, были монастырь Юм-бэйсе, оазис Шара-Хулусун, Аньси и Ших-пао-ченг в горах Нань-Шаня — обычные южные конечные стоянки караванного пути.

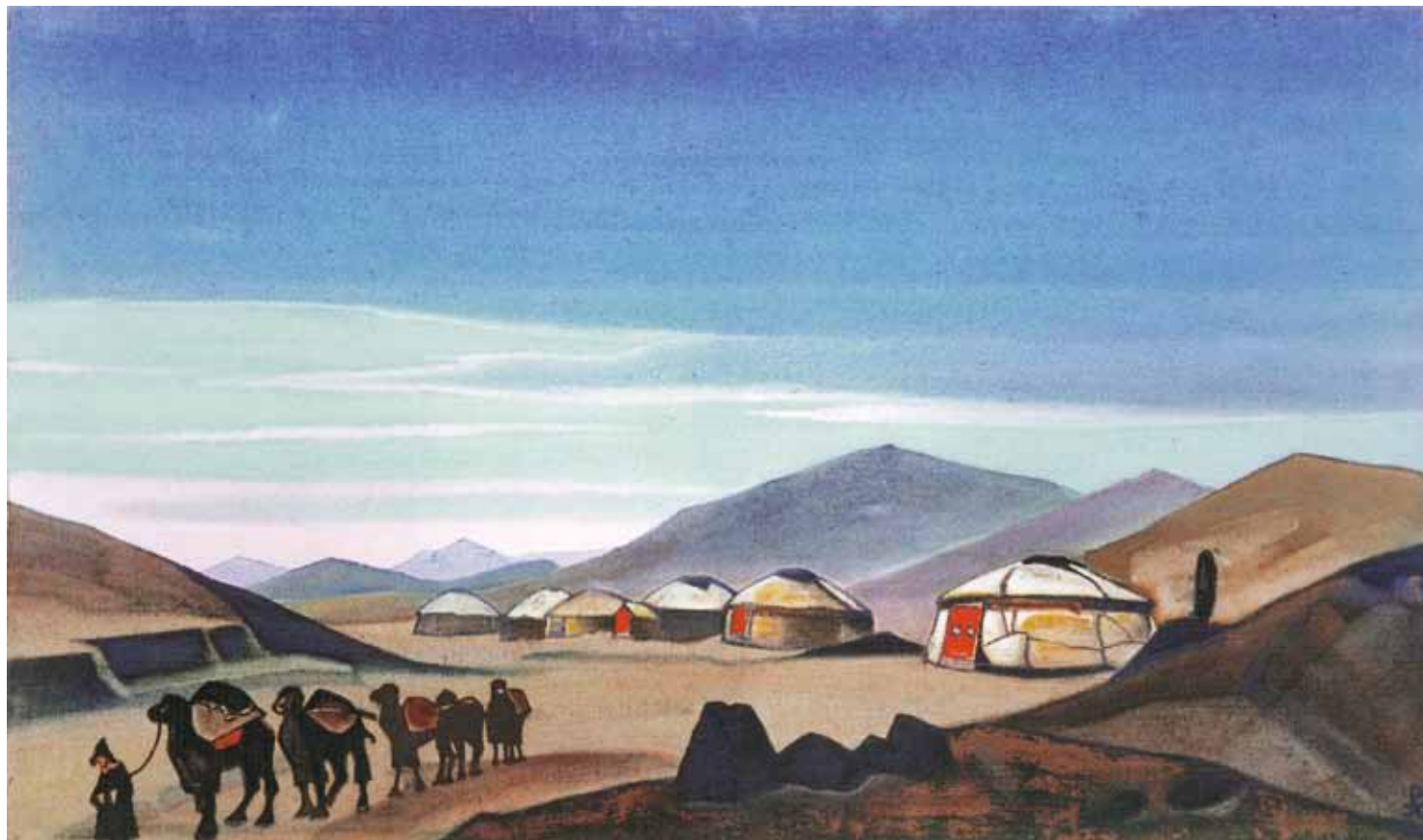
Мы решили идти к Юм-бэйсе и намеревались от Улан-Батора добираться до Юм-бэйсе на машинах.

...Хорошо осведомлённые лица советовали нам выехать в начале апреля, до того как пески в пустыне оттают и станут рыхлыми.

Караванный сезон для верблюдов начинается во второй половине августа и продолжается всю зиму до апреля или мая. Этот период приходится на самое холодное время года, и число обмороженных людей или с обезображенными обмороженными лицами, ушами и конечностями совершенно ужасающее. Мне однажды довелось в самый разгар зимы видеть большой караван тибетцев и монголов, идущих из Тибета. Они вышли из Сининга в сентябре и на протяжении четырёх месяцев прокладывали себе дорогу по не защищённой от ветра пустыне Гоби. Многие из них заболели воспалением лёгких и умерли всего в нескольких переходах к югу от Улан-Батора. Даже эти люди, закалённые и привыкшие к трудным условиям караванных путешествий, не могли вынести таких испытаний. Те, кто выжил, отморозили себе носы и щёки, и длинные полосы потемневшей кожи свисали с их лиц. Ужасно распухшие и почерневшие ноги и руки, со зловонными ранами, с признаками прогрессирующей гангрены, были убедительным доказательством их страданий. И несмотря на это, люди были бодры и даже считали, что путешествие прошло очень успешно, потому что караван прошёл невредимым район к северу от Канзу, наводнённый грабителями. Эти торговцы готовы вынести любые лишения во имя того, чтобы их товары и караванные животные дошли целыми и невредимыми.

Кроме того, путешествия в пустыне для них, вероятно, имеют особую притягательную силу, поскольку

* Текст печатается по журналу «Вокруг света». 1972, № 4.

Н.К. Рерих. МОНГОЛИЯ. 1935 – 1936

они снова и снова бросают вызов опасностям суровых зим Гоби и проходят сотни миль, чтобы продать несколько штук тибетских материй или благовонных палочек. Это нельзя объяснить только соображениями личной выгоды, ибо торговля между Монголией и Тибетом никогда не достигала широкого размаха. Объяснение этому стремлению в пустыню следует искать в самой природе пустыни, которая проявляет непостижимое, почти сверхъестественное воздействие на каждого, кто хоть раз побывал в её необозримых просторах. Море неотступно влечёт к себе моряка, но пустыня покоряет сердце караванщика, который вновь и вновь возвращается в её незабываемые бесконечные просторы.

За месяц нам удалось набрать достаточное количество людей, которые могли бы быть и обслуживающим персоналом экспедиции, и боевой силой в случае нападения шайки бандитов. Каждый должен был знать, как ему надо действовать в случае нападения, как ухаживать за конём и обращаться с оружием.

Большая часть людей раньше были охотниками и меткими стрелками, и многие из них были хорошиими всадниками — очень важное качество в условиях экспедиции, исключая стёртые спины и избавляющее животных от страданий. Помимо военной подготовки и упражнений в стрельбе, людей обучали

ставить и разбирать палатки. Они должны были хорошо знать эти обязанности, чтобы разбить быстро лагерь после длительного, тяжёлого перехода.

...Срок нашего пребывания в Улан-Баторе быстро истек, и дата отъезда, назначенная на 15 апреля, уже приближалась. 14 апреля ворота базы экспедиции широко распахнулись и машины вошли во двор.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГОБИ

30 апреля 1927 года. ...Перед заходом солнца мы спустились с возвышенности и остановились на северной стороне равнины, покрытой гравием и густо поросшей кустарником саксаула. Начали разбивать лагерь, как вдруг холодный порыв ветра, за которым последовал отдалённый шум в горах, где-то к северо-востоку от стоянки, возвестил о приближении монгольского урагана. Спустя несколько мгновений ураган бушевал над лагерем. К счастью, он длился недолго — поднимая тучи песка, ураган пронёсся по равнине на юго-запад. Ночь прошла спокойно: мы приняли все меры предосторожности и, насколько было возможно, покрепче закрепили палатки. Для путников такие ураганы и песчаные бури всегда великое бедствие. От них совершенно невозможно защититься. Ураган ломает опору палатки, разрывает и разбрасывает её, заносит толстыми слоями песка настил палатки и постель.

На следующий день мы снова продолжали путь по сухому руслу реки, стекавшей когда-то с гор в южную часть равнины. Дни становились заметно жарче, и у верблюдов начала выпадать клочьями шерсть. После восьмичасового перехода по покрытой гравием равнине мы остановились на ночёвку в пустыне, у колодца с солоноватой и неприятной на вкус водой. Повсюду вокруг возвышались невысокие дюны. Далеко на юге виднелись горы Шара-Хулсун — таинственное место, которое всем нам очень хотелось увидеть. Наши проводники говорили, что Шара-Хулсун — узкое, покрытое лесом ущелье с небольшой горной речушкой на дне его. Рассказывалось много всяких историй об этом одиноком оазисе, расположенном в самом сердце пустыни Гоби.

...Пятого мая мы решили выехать очень рано, чтобы добраться до оазиса Шара-Хулсун и дать возможность нашим верблюдам как можно дольше попасть в кустарниках оазиса. День выдался исключительно жарким. Два часа верблюжья тропа вела нас по широким островкам спёкшегося песка и пыли. Поверхность равнины была пересечена невысокой грядой известковых гор и дюн. Мы продвигались очень медленно, так как почва на низинах была топкой и верблюды часто проваливались в пески.

Оставив позади песчаную гряду, мы выехали на широкую долину, постепенно поднимающуюся к юго-западу. Около шести миль тропа шла по сухому руслу реки с многочисленными нагромождениями нанесённых с соседних обрывов обломков песчаника. Затем она вышла опять на гравиевую равнину, плавно поднимающуюся по направлению к горам Шара-Хулсун, уже чётко вырисовывающимся на фоне неба. Валуны, обломки горных пород и сухие стволы деревьев преграждали путь.

Около четырёх часов дня, когда люди и животные совершенно изнемогали от непривычной жары, мы увидели несколько тёмных точек у подножий гор и у входа в узкое ущелье, скрытое за длинным уступом горы. Кто-то из караванной колонны закричал: «Деревья!» Мы не могли поверить своим глазам, так как большинство из нас были твёрдо убеждены, что в лучшем случае мы увидим только жалкие кустарники можжевельника. Но вдали были настоящие деревья: пустынный тополь, растущий по берегам реки. Все почувствовали прилив сил при мысли, что можно отдохнуть под сенью деревьев и разбить лагерь на зелёных луговинах.

Мы разбили лагерь в роще на берегу речушки, а караванных животных погнали вверх по течению реки в густые заросли кустарника.

Расположенное недалеко от монгольской границы ущелье всегда было излюбленным убежищем гра-

бителей. За месяц до прихода экспедиции большой верблюжий караван по пути в Кучинг был ограблен здесь и один из погонщиков убит. Проводники-монголы советовали нам быть настороже и ночью выставить караул.

Было уже довольно поздно, около девяти часов, и совершенно темно, как вдруг один из наших монголов, погонщиков верблюдов, охранявший животных в ущелье, ворвался в лагерь с тревожной вестью, что в ущелье он видел вооружённых всадников. Во что бы то ни стало нужно было узнать, кто эти люди. В тот момент, когда мы решали, что предпринять, раздался громкий ружейный выстрел, и эхо его прокатилось по ущелью. За первым выстрелом последовал второй. Наш часовой на другом берегу дал сигнал тревоги, и все бросились к оружию. Часовой заметил в темноте двух вооружённых всадников, один на белом коне выехал из кустов и выстрелил. Какие цели у всадников? Было ясно одно, что они нападают на наш лагерь.

Прошло несколько долгих напряжённых минут: стрельба стихла, но по доносившемуся шуму мы заключили, что большая группа людей и животных передвигается по ущелью и приближается к лагерю. Трудно было удержать наших; им хотелось стрелять в каждое тёмное пятно, появляющееся вдали. Нужно было срочно установить, кто были нападающие и где они. Я принял решение отправиться с группой разведчиков под прикрытием стрелков. Тибетец вызвался идти в разведку и исчез в кустах.

После продолжительного отсутствия тибетец вернулся. Он рассказал, что перед нами большой караван из Коко-хото, направляющийся в Кучинг и Урумчи. Когда тибетец подошёл к их лагерю, все люди, сидящие у костра, вскочили, погасили костёр и приняли его в полном молчании. Затем они начали умолять пощадить их, так как уверились, что пришедший был из большой шайки бандитов, разместившейся в ущелье. Они даже обещали ему большое вознаграждение деньгами или товарами. Караванщики были чрезвычайно напуганы, и тибетцу стоило большого труда объяснить им, что мы научная экспедиция.

Суббота, 7 мая. День обещает быть жарким. Над горизонтом нависли тучи. Повсюду песок: дюны простираются далеко на юг. Мы начали готовиться в путь около полудня. Монголы-погонщики поят верблюдов, подгоняют сёдла и смазывают мазью кровавые раны на боках животных. Шерсть скатывается под седлом, и от постоянного трения стирается кожа. Раны увеличиваются и становятся открытыми, и тогда лечение почти невозможно. Около двух часов дня весь караван в три колонны начинает марш по направлению к югу. Пройдя пояс дюн, простирающийся до края горного

кряжа Гоби, караван идёт по необъятной, покрытой гравием равнине. Чёрная поверхность каменной пустыни сверкает таинственными опаловыми оттенками. В раскалённом воздухе дрожат миражи — озёра, острова с берегами, поросшими зеленью.

Впереди три дня пути по безводной пустыне, и люди и животные каравана уныло идут по едва заметной тропе. Сохранить силу верблюдов — главная забота во время долгих переходов по пустыням. В противном случае грозит великая опасность. Мы проходим через узкое ущелье, заваленное огромными валунами, затем низкий песчаный кряж изрезанных гор, известных под названием Хан-иннуру, который, как и большая часть горных цепей юго-западной части Гоби, простирается с северо-запада на юго-восток. По обеим сторонам тропы круто поднимаются гранитные утёсы, чередующиеся с тёмными, почти чёрными массами базальта. Вершины гор увенчаны фантастическими образованиями выветренных горных пород, принимающих формы неприступных замков или крепостей, охраняющих караванный путь.

И снова чёрный гравий Гоби. Верблюды движутся мерным шагом, уныло покачивая головами, как будто ищут конца пути по каменистой пустыне.

Мы пытаемся пройти как можно больше. Как величествен бывает рассвет и закат в пустыне! Вдруг закат начинает сверкать тёмно-пурпурными красками, и необъятная равнина искрится ослепительным багровым светом. Ещё несколько секунд интенсивного яркого блеска, затем краски постепенно исчезают, и огромное пространство пустыни погружается в тёмно-лиловую тьму. Появляются звёзды на удивительно тёмном небе. В атмосфере, почти полностью лишённой влажности, звёзды кажутся необычайно яркими, словно тысячи ламп, горящих вокруг невидимого алтаря. К одиннадцати часам восходит луна и мягким голубоватым светом освещает пустыню — мёртвое сердце Азии, — покрытую гнетущим чёрным камнем. К полуночи караван останавливается, разбиваются палатки, и верблюдов привязывают недалеко от лагеря.

ЦАЙДАМ

13 сентября 1927 года. Произошло ожидаемое столкновение. День был пасмурный, и тяжёлые тучи нависли над горами. Караванная тропа шла по правому берегу реки Нейджи. Между плывущими облаками, туманом и возвышающимися горными вершинами время от времени можно было видеть снежные пики и ледники горного хребта Марко Поло. В этот день колонна экспедиции шла обычным порядком: впереди колонны — небольшой головной отряд под командой европейца, затем руководитель экспедиции

с остальными членами и несколькими монголами, за ними следовали мулы, груженные лёгкой поклажей. На некотором расстоянии за мулами шла колонна верблюдов с тяжёлым багажом. Колонну верблюдов охраняли несколько вооружённых всадников под командой одного из европейцев. Как только мы достигли северного склона перевала Элис-дабан, то увидели, что по тропе, левее нашего маршрута, стремительно скачут всадники. Кто они? Может быть, они пытаются выйти во фланг? Много вопросов промелькнуло в уме, но размышлять было некогда. На огромной скорости всадники неслись к экспедиции, и гулкий топот копыт их лошадей зазвенел в воздухе. Все они были вооружены современными винтовками, саблями, и у некоторых были пики. Наш проводник, монгол, бледный и перепуганный, отчаянно жестикулируя, бросился назад к реке с криком «Аранган! Аранган!» («Бандиты!»). Он был единственный из присутствующих, покинувший свой пост; все остальные проявили большую смелость и стойкость духа. Столкновение казалось неизбежным. Руководитель экспедиции приказал нам занять боевую позицию на вершине холма. Головной отряд, прикрывавший колонну, оттянулся к главным силам. Все заняли свои позиции. Было слышно, как заряжают винтовки. «На расстоянии трёхсот ярдов мы будем стрелять!» — прокричал полковник, командовавший боевой частью экспедиции. И вражеские всадники дрогнули.

Ещё несколько мгновений, и они остановились беспорядочной массой. Мы видели, что сабли вкладывались в ножны. Несколько человек спешили и начали между собой какую-то оживлённую перебранку. Наша непоколебимость показала бандитам, что они имеют дело с хорошо вооружённым караваном и что их нападение на нас на открытой местности приведёт к большим потерям. Поэтому они остановились и направили в наш лагерь несколько человек для переговоров. Мы вышли вперёд, а в качестве меры предосторожности наши всадники окружили отряд. Никогда в своей жизни мы не видели таких бесчеловечных, грубых лиц. Большинство из них оказались молодыми людьми, вооружёнными саблями и современными винтовками. Старик с седой бородой был предводителем шайки. Они пришли с повинной. Превосходство нашего огнестрельного оружия заставило их изменить первоначальное решение.

После непродолжительной остановки мы снова отправились в путь.

ВЕЛИКОЕ ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

6 октября 1927 года. Экспедиция отправилась в путь очень рано, с тем чтобы до полудня добраться

до Шенг-ди, где можно было у местных кочевников закупить запасы продовольствия. Долина реки, по которой проходил наш караван, стала шире, и на прилегающих склонах гор виднелись стоянки кочевников с отарами овец и стадами домашних яков. Пройдя семь миль по удобной дороге, мы внезапно увидели группу людей, стоящих на тропе. Оказалось, что это были полицейские, которые имели строгое предписание остановить экспедицию и послать сообщение верховному комиссару Хора, находящемуся в Чуна-ке. Большинство — неопрятные молодые люди без оружия. Вместо сабли у одного из них был за поясом рог антилопы. Начальник отряда изо всех сил старался показать свои добрые намерения: он высовывал язык и показывал большой палец, упрашивая нас задержаться всего только на один день в Шенг-ди, чтобы дать ему время отправить рапорт о нашем прибытии верховному комиссару.

Мы решили остановиться, так как намерены были вступить в страну спокойно, считаясь с требованиями полицейских сторожевых охранений.

Всё местное население пришло в наш лагерь, молодые люди с длинными взлохмаченными волосами, ниспадающими со лба, одетые в овчины, отороченные полосками чёрной материи, в высоких тибетских сапогах, изготовленных из грубой домотканой материи и кожи. У некоторых лица были намазаны чёрной пастой, чтобы защитить кожу от зимнего ветра. Начальник отряда, успевший надеть на себя новую овчину, пришёл в наш лагерь и начал составлять рапорт.

28 октября. Тяжёлые тучи нависли, утро холодное и туманное. Чуна-ке представляет собой унылую картину: всюду снег и мрачные чёрные тибетские палатки. Кочевники покинули Чуна-ке, и невозможно стало доставать в достаточном количестве топливо и корм для животных. Отправили письмо, адресованное лично Далай-ламе.

На следующий день опять — 20 градусов. Юго-западный ветер, временами идёт снег. Ночью несколько волков подбирались к нашему лагерю, но собаки всякий раз отгоняли их. Мы попросили разрешения стрелять по волкам, но начальник нам отказал, так как в Тибете стрелять в животных строго запрещается.

Стаи голодных собак бродили в окрестности, время от времени они нападали на людей. Целые стаи грифов кружили над лагерем. Их наглость была столь велика, что они утаскивали продукты из палатки, где находилась кухня, и даже уносили чашки. Огромные птицы пожирали туши животных, оставленных проходящими караванами.

...31 октября. Термометр показывает — 25 градусов по Цельсию. Нашим изголодавшимся караванным

животным в день скармливаем только один фунт зерна, травы нет совсем. Верблюды катастрофически теряют силы. Ночью голодные животные бродят по лагерю. Мы заметили характерную особенность у лошадей и у мулов. Перед смертью они неизменно пытались войти в палатки, как бы отыскивая более защищённое место. Утром мы находили их мёртвыми.

...7 ноября. Мороз усилился, и термометр показывает — 40 градусов. Несколько человек страдают от сильной простуды, которая, по свидетельству врача, легко может перейти в воспаление лёгких, если им придётся ещё оставаться здесь. Монголы с трудом передвигаются, распухли лица, руки и ноги.

...16 ноября. Профессор Н. Рерих заболел и должен оставаться в постели.

...24 ноября. Самое холодное утро, которое мы пережили у Ворот Тибета, — 45 градусов. Стаи голодных собак становятся серьёзной угрозой — они напали на наших людей, вышедших из лагеря. В этот же день растерзали три овцы. Ночью было невозможно спать от их непрерывного воя и лая. Они подбирались к палаткам и таскали продовольствие. Местное население говорит, что необычный снегопад — наказание, посланное за непонятное поведение правительства Тибета по отношению к экспедиции.

...28 ноября. Пришёл начальник и принёс письмо от верховного комиссара. После обычных вежливых фраз верховный комиссар просит извинить его за то, что он не отправил письмо Далай-ламе. Он возвратил письмо... Было ясно, что верховный комиссар избавляется от ответственности и не в состоянии дать исчерпывающий ответ от имени правительства. Мы немедленно отправили посыльного с сообщением о намерении отправиться сразу в Нагчу для переговоров относительно нашего дальнейшего пути в Индию.

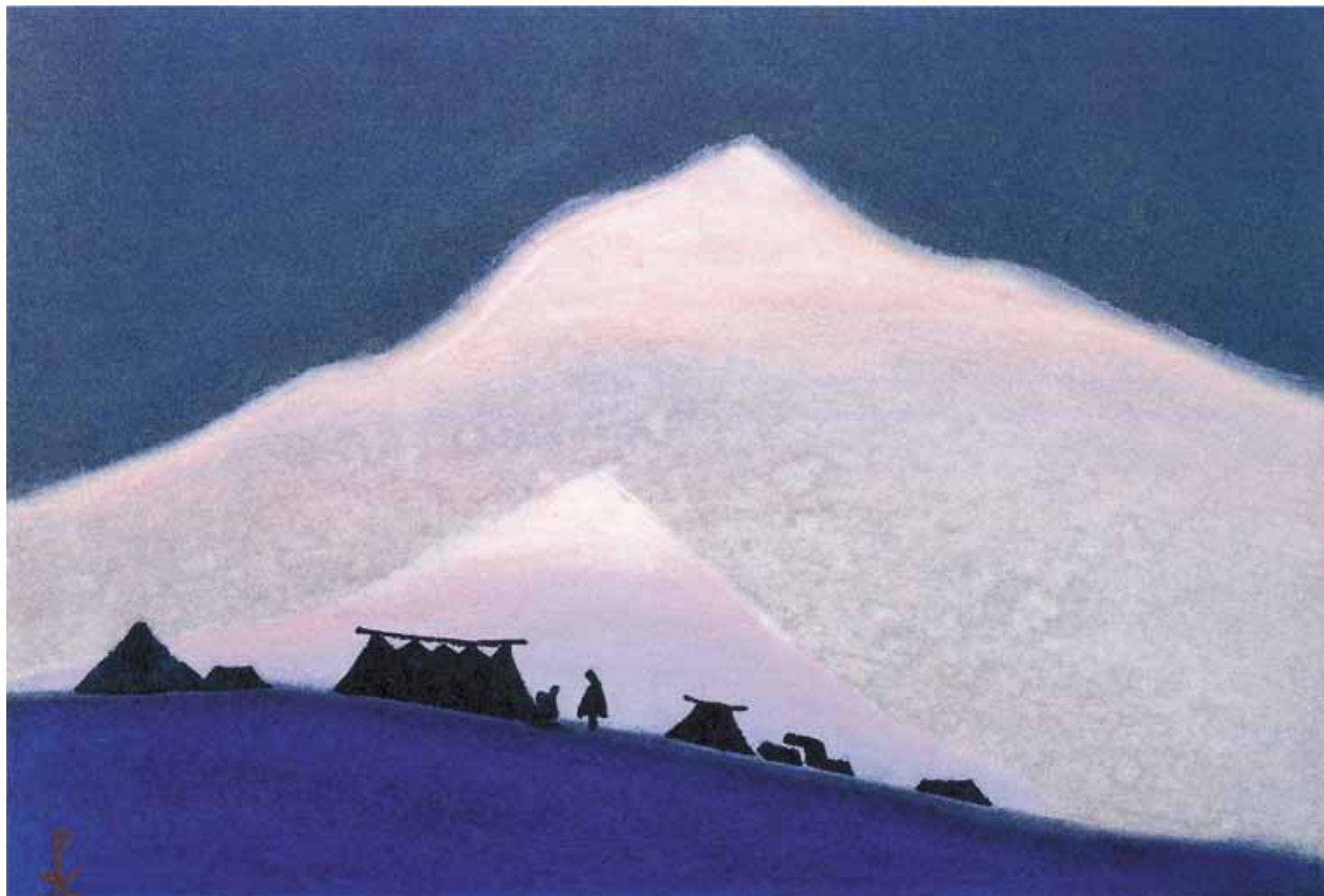
...7 декабря. Из Нагчу прибыл солдат и привёз наше письмо обратно нераспечатанным.

КОЧЕВНИКИ ХОР-ПА. ОТКРЫТИЕ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ»

Декабрь 1927 — январь 1928 года. Обширная горная область Тибета к северу от Нагчу известна под названием Хор, и кочевники, населяющие этот район, называются хоры (хор-па).

В тибетских исторических летописях название «хор» обыкновенно обозначает племена монгольского или центрально-азиатского происхождения, которые с VIII по IX век нашей эры постоянно совершали набеги на Тибет и в особенности на северо-восточную границу его.

В современном тибетском разговорном языке слово «хор» обозначает «кочевник смешанного происхож-

Н.К. Рерих. ТИБЕТСКИЙ СТАН. 1943

дения», который обитает в районе между областью, населённой племенами панагов и голоков, и областью Великого Озера. Пять племён хоров, живущих на северных и южных склонах горного хребта Цанг Ла, представляют собой пять отдельных родов. Самый крупный род насчитывает около тысячи юрт с населением приблизительно от четырёх с половиной до пяти тысяч человек, меньшие роды имеют около четырёхсот юрт.

Единственное занятие населения — скотоводство. Скотоводство всегда было типичным занятием хоров, но разведение скота осуществляется на таком примитивном уровне, что породы крупного рогатого скота и лошадей быстро вырождаются. Хоры не запасают сена на зиму, считая, что это приносит вред божествам земли. Всю зиму стада бродят под открытым небом.

Большую часть работы по дому выполняют женщины: доят коров, сбивают масло и делают тибетский сыр, дубят кожи и прядут шерсть для грубых тибетских тканей. Мужчины в летние месяцы уходят с караванами и возвращаются поздней осенью, до того как снег засыпает перевалы, с запасом ячменя и «цампа» на зиму. Когда мужчины дома, они стерегут стада яков и овец — отнюдь не лёгкая обязанность на таких высотах.

Одним из самых значительных достижений экспедиции было открытие «звериного стиля» в искусстве кочевников Северного Тибета.

Характерной особенностью «звериного стиля» является наличие декоративных мотивов, в основу которых положено изображение животных; при этом фигуры животных размещаются так, что создаются необычайно красивые декоративные композиции. Некоторые из этих мотивов очень стилизованы, и истоки их развития коренятся в глубине веков. Художники, создававшие этот стиль, превосходно видели природу, очень хорошо знали повадки и характерные особенности изображаемых животных. Этот стиль распространился на огромной территории и стал типичным для всех кочевников Азии. Центр прекрасной культуры кочевников, которая оказала сильное влияние на искусство его более цивилизованных соседей, находился в горах Алтая — районе, изобилующем золотом, рудами, покрытом растительностью, нередко изображаемой на предметах «звериного стиля».

Трудно сказать, связан ли «звериный стиль» с каким-либо определённым этническим типом людей. Я склонен считать, что он возник у кочевников и охотничьих племён разных этнических групп, но

живущих в среде, имеющей много общего, ибо только так мы сможем объяснить широкое распространение «звериного стиля» от границ Южной России до границ Китая и от сибирской тайги до величественных вершин Транс-Гималаев в Тибете.

Тибет всегда был открыт для кочевников с северо-востока. Именно оттуда пришли предки современных тибетцев. Высокогорное плато Кукунор, поднятое в среднем на высоту около десяти тысяч футов, и окружающая горная страна имели достаточно пастбищ для кочевых племён. Именно с этого огромного пространства пришли древние тибетцы, вытесненные могучим потоком каких-то других племён, и вынуждены были искать новые пастбища, наводняя долины и плоскогорья Тибета.

В исторические времена племена Тибета имели широкие связи с иранскими и палеоазиатскими племенами, кочующими по необозримым просторам, простирающимся до границ Китая. Современные исследования установили, что иранские племена являлись как бы переносчиками «звериного стиля». В эпоху Хань (206 год до нашей эры – 220 год нашей эры) было введено в употребление иранское военное снаряжение в Китае, а с ним пришла туда и богатая декоративность в «неозверином стиле», названном так в отличие от скифского звериного стиля южных степей России.

Значительные находки тканей и металлических предметов в «неозверином стиле» были обнаружены генералом П.К. Козловым в горах Ноин-ула на север от Улан-Батора, но ничего не было известно о существовании этого искусства в Тибете. Из находок экспедиции Н.К. Рериха, сделанных во время вынужденной пятимесячной стоянки, следует, что именно этот стиль был «в моде» в Дердже — районе, производящем металлические изделия, имеющем свои художественные традиции. Этот стиль также культивируется у хоров. Кожаные сумки для кремня, пояса, серебряные и бронзовые коробочки для талисманов и металлические пластинки выполнены в тибетском «зверином стиле».

Интересно сравнить две находки. Одна из Дердже, северо-восточный Тибет, другая была обнаружена экспедицией Козлова в могильниках в горах Ноин-ула, Монголия.

Пряжка чеканной работы (железо, покрытое серебром) из Дердже изображает льва с головой, повернутой влево, в сторону зрителя. Грива животного взлохмачена и стоит дыбом. Все линии тела напряжены. Он сидит на задних лапах, с поднятым вверх хвостом, как будто бы прислушивается к шороху, готовый прыгнуть. На фоне изображены два стили-

зованных дерева. Волнистые линии внизу — стилизованные горы.

Среди предметов, обнаруженных экспедицией Козлова в могильниках Ноин-ула в Монголии, тоже есть пряжка чеканной работы. На ней изображён стоящий буйвол или зубр с наклонённой и повернутой влево головой.

Сравнивая эти две пряжки, легко заметить большое композиционное сходство. В обоих случаях животное повернуто левым боком к зрителю и смотрит прямо на него. Одинаково изображена шкура животных. И там и здесь два стилизованных дерева служат фоном. Деревья на первой пряжке раскинули ветви над головой льва. Эти деревья из более тёплого климата, а две сосны на находке Козлова говорят о её северном происхождении.

Думаю, что эти два предмета отображают «звериный» мотив, бытующий в искусстве кочевников Внутренней Азии, но пряжка со львом происходит из южных частей этой области, а пряжка с зубром была создана на северной границе её.

Металлические украшения, изображающие фигуры животных и птиц, можно часто видеть на поясах, которые носят тибетские кочевники. Экспедиция приобрела несколько таких поясов.

...4 января. Ночь холодная, термометр показывает – 30 градусов по Цельсию. К утру мороз усилился, и мы мёрзли в наших летних палатках. В половине седьмого взошло солнце, и немного потеплело.

В полдень прибыли правители Нагчу. Мы все собрались в палатке. Они чинно вошли в палатку в сопровождении многочисленных слуг. Узнав о цели экспедиции, хан-по воскликнул, что ему очень приятно слышать об этом, но так как Тибет религиозная страна, не имеющая никакого отношения к внешнему миру, то правительство страны не разрешает иностранцам посещать Внутренний Тибет.

На следующий день губернаторы пришли снова.

Они сообщили, что нам не могут разрешить пройти по Дам-Ла около Гяанг-зе, но что их правительство готово договориться о том, чтобы нам разрешили путь в Сикким через Намру, Наг-тшанг и Зага-дзонг. Нам оставалось только согласиться.

...19 января. Все поднялись чуть свет. День обещает быть хорошим. Распределив багаж между людьми, которые привели животных для экспедиции, мы отправились в путь. Итак, кончилась наша пятимесячная стоянка на земле хоров.

4 марта 1928 года все участники экспедиции будут помнить как день окончания пленения в негостеприимных нагорьях Тибета.

Перевод с английского М.Ф. Дроздовой-Черноволенко

Маргарита ВАЛЛ, г. Вольфсбург, Германия

СКИФЫ И ЕДИНСТВО СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Интерес к скифской культуре актуален и в наше время. Свидетельством тому могут служить два замечательных конгресса, прошедшие в Берлине (2007 г.) и в Новосибирске (2011 г.). Местом проведения Новосибирского конгресса стала Денисова пещера на Алтае. Материалы обоих конгрессов содержат информацию о новых достижениях в скифологии. В научных дискуссиях участвовали не только историки и археологи, но и целый ряд других специалистов — антропологи, религиоведы, искусствоведы, генетики и др.

Говоря о Берлинском конгрессе, невозможно не упомянуть о прекрасно организованной и приуроченной к нему выставке под названием «Под знаком золотого грифона» («Im Zeichen des goldenen Greifens»). На выставке были представлены все основные очаги скифской культуры. Впечатляло огромное количество золотых изделий в виде прекрасных украшений для человека и лошадей или сопровождавших повседневную жизнь скифов предметов искусства, найденных в курганах, разбросанных не только по Европе, но и по громадной территории Сибири.

Каково же было отношение Юрия Николаевича Рериха к скифам? Из его писем явствует, что он с большим энтузиазмом занимался исследованиями в области скифологии. Мир кочевников очень увлекал его, и он придавал большое значение не только их собственной культуре, но и её громадному влиянию на окружавший их мир.

Вашему вниманию я представляю краткий очерк о скифах. В нём бегло затронуты лишь отдельные моменты скифской культуры. Наряду с другими материалами использовались и труды Ю.Н. Рериха.

О скифах прежде всего узнал античный мир. Основным источником сведений о них был 9-томный труд знаменитого греческого историка Геродота. В своём сочинении, написанном в V в. до н.э., он подробно описал возникновение и развитие скифской культуры.

Название «скиф» — греческого происхождения с неизвестным значением. Этим именем греки называли ираноязычные племена, кочевавшие в степях северного Причерноморья, т.е. на юге современной России. Как пишет Ю.Н. Рерих, Геродот называл скифами и других кочевников этих территорий.

Скифы-кочевники двигались с востока северного степного пояса, простиравшегося от «Китая до Венгерской равнины», на запад. На Востоке они были известны под именем «саков». Так их называли персы. Юрий Николаевич называл их скифами-саками. Не все скифы

ушли на запад, восточные скифы-саки явились основателями мощных очагов культуры на громадной территории от Монголии и Алтая до Тянь-Шаня и Памира.

Вообще, «согласно древнему иранскому преданию прародина древних арийских племён помещалась в Туркестанском Двуречье. В течение всего I тыс. до н.э. до времени первого появления тюркских племён в пределах Западного Туркестана эта область продолжала оставаться областью иранских племён»¹, — пишет Юрий Николаевич.

Как западные, так и восточные скифы-кочевники являлись частью многочисленных ираноязычных племён, которые были когда-то основателями мощной Ахеменидской империи. Этот период владычества и расцвета культуры ираноязычных племён Ю.Н. Рерих назвал эпохой преобладания иранских племён, вписав её в общую историю Средней Азии. Эта эпоха гегемонии иранцев длилась с начала I тыс. до н.э. до II в. до н.э. Затем их сменили хунны.

Скифы-кочевники овладели северной степной полосой Евразии и, начиная с VIII по III в. до н.э., внесли в культуру других кочевников так много своего, что эта эпоха получила название скифской.

Поэтому в археологии «скифы» стали скорее понятием хронологическим, т.е. для обозначения культуры I тыс. до н.э., но не обязательно этноса.

М.П. Чевалков. СТЕРЕГУЩИЕ ЗОЛОТО ГРИФЫ. 1986

¹ Рерих Ю.Н. История Средней Азии. Т. 1. М., 2004. С. 138.

Пишут о скифском «зверином стиле», о памятниках и культурах скифской эпохи, о передвижении народов скифского периода и т.д. — всё это понятия, характеризующие определённый исторический период.

Однако, признавая преобладание скифского начала в культурах других кочевников, никогда не следует забывать, что скифская культура и сама является частью общей культуры кочевников. Очень много общего в материальной культуре кочевников, что объясняется сходным образом жизни. На громадной территории степной полосы кочевали не только скифы, но и монголы, турки и многие другие племена.

«Только этой общностью культуры и уклада жизни и можно объяснить некоторые особенности скифского быта, давшие повод утверждать тюркское или монгольское происхождение скифов, которые в массе своей, несомненно, принадлежали к иранцам»², — писал Ю.Н. Рерих.

Кстати, о языке скифов и саков, не имевших письменности. Судя по именам царей, богов, рода на греческих надписях и монетах, можно отнести язык скифских племён к иранским наречиям. Ю.Н. Рерих относит их к восточно-иранским наречиям.

Итак, Геродот посетил «Скифское царство» западных скифов и в своём упоминавшемся уже 9-томном труде V в. до н.э. описал и географические условия, и государственное устройство, и обычаи, образ жизни, мифологию, религию и многое другое из жизни скифов. Этот труд Геродота явился и является до сих пор незаменимым источником сведений о скифах, как считал и Ю.Н. Рерих. По этим данным о западных скифах можно было реконструировать и образ жизни восточных скифов. Очень интересно сравнивать утверждения Геродота с последующими археологическими находками, сделанными веками позже как на Западе, так и на Востоке, например в Туве, Казахстане, на Алтае.

Нащитная бляха с изображением лежащего оленя.
Золото. VI в. до н.э.

Остановлюсь лишь на некоторых моментах скифской культуры, касающихся не только скифов, но и всей кочевой культуры в целом.

Начнём с внешнего облика скифа. Он хорошо описан Ю.Н. Рерихом. Скифские воины и кочевники-скотоводы носили короткий, отороченный мехом кафтан, расшитый спереди, широкие шаровары, либо расшитые, либо из узорчатой материи, мягкие сапоги, перехваченные повыше щиколотки перевязью. Длинные штаны забирались в полусапоги. На голове шлемообразное покрытие.

Так же одевались и среднеазиатские скифы-саки, и согдийцы, и хорезмийцы, и фракийцы. Это было типичное одевание кочевника, которое в первой половине I тысячелетия до н.э. всё ещё появляется на Турфанских фресках.

Вооружение скифов-воинов, так же как и конное снаряжение, носило, по мнению Ю.Н. Рериха, чисто иранский характер. Главное в снаряжении воина — широко известный скифский лук и стрела, скифский короткий меч — акинак. Лук был основным оружием у скифов и «основой конного боя».

Это нашло отражение даже в словаре воинов соседних племён — так, по-грузински лук, а по-свански стрела называются словом «скиф».

Скифская посадка на коне имеет свои особенности и была перенята позднее казаками и горскими племенами Северного Кавказа (например, осетинами): «нога всадника приподнята в колене и отведена назад, носок опущен».

Как скифы, так и саки — европеоиды, хотя нельзя исключать примеси монголоидности из-за смешения племён. Хорошим примером смешанного типа можно назвать носителей пазырыкской культуры Горного Алтая в период V — III вв. до н.э. По исследованиям академика В.И. Молодина, опиравшегося на данные антропологов, этнографов, лингвистов, пазырыкцы представляют собой результат смешения ираноязычных племён, пришедших на Алтай с юго-запада, и самодийских племён, двигавшихся с Саян. Поэтому встречаются и европеоидные типы, каковой оказалась «ледяная принцесса», и монголоидные.

Ю.Н. Рерих проявлял огромный интерес к миру кочевников, этих постоянных «двигателей» истории, зачинщиков переселений народов и смешения племён. Скифы-кочевники тоже очень занимали его, и он уделил им много внимания на страницах «Истории Средней Азии». Но он описал их не обособленно, а во взаимовлиянии и взаимодействии с остальным иранским миром, да и не только иранским. Таким образом, скифы — это часть общего иранского мира, который когда-то, а именно в I тыс. до н.э., решал судьбы многих

² Рерих Ю.Н. История Средней Азии. Т. 1. С. 163.

народов на территории Средней Азии. В этом большое достоинство и ценность его описания. Не отдельно, а вместе, в общем потоке развития материальных и духовных культур оседлых и кочевых иранских племён. И всегда он использовал лингвистический материал как дополнительный или как главный источник при решении исследовательских проблем.

Касаясь религии скифов, Ю.Н. Рерих пишет, что «это дореформенная религия иранских племён»³. Скупые сведения о ней можно почерпнуть у греческих авторов.

Вот имена главных богов, которые почитались скифами: Папай (Papaïos — из иран. *papa* со знач. «охранять») — бог Неба; Апи, его супруга, — богиня Земли.

Если кочевой мир скифов живёт представлениями древних иранских племён, то среди земледельческого населения назревает реформация прежних религиозных представлений. Великим реформатором был Заратустра, живший в период между 660 – 583 гг. до н.э. Как считает Ю.Н. Рерих, «учение Заратустры было попыткой заменить обрядность старой арийской веры этическим учением, которое изложено в так называемых "Гатах"..."»⁴

Не забудем, что приблизительно в это же время Великий Будда реформировал догматические нормы брахманизма. Видно, пришло время для эволюции индоиранского духовного мира.

Интересен культ меча, который известен и другим народам, в частности хуннам и хеттам. Меч у скифов — символ бога войны, имя которого, по Геродоту, Арей (по «Авесте» — Веретрагис). Меч втыкался на вершине холма, и раз в год ему приносили жертвы в виде коней, другого скота и пленников.

Некоторые обряды, описанные Геродотом, имеют свои параллели и у других кочевых народов.

Искусство скифов

Жизнь кочевых скотоводческих племён, хотя и отчасти оседлых, была очень сурова. Постоянно в движении в поисках новых пастбищ, в боевой готовности защищаться или нападать при любых обстоятельствах и любых климатических условиях. Требовалось воспитать прежде всего бесстрашие и мужество, а потому многие обычаи были жестоки и беспощадны. Их прекрасно описал Геродот.

Тем более поражает, что в этих, часто непомерно суровых условиях существования, значительное место в жизни скифов занимало искусство. Трудно представить, чтобы искусство этих «варваров», как их называл Геродот, могло достигнуть такой сложности, изящества, красоты и утончённости.

Главным источником сведений об искусстве скифов являются курганы. На всём протяжении своих пере-

Навершие гребня с изображением сцены боя скифов с греками. Золото. IV в. до н.э.

движений от Китая до Венгерской равнины скифы и другие племена скифского времени оставляли так называемые поминально-погребальные курганы. Размер их иногда очень впечатляющ, особенно если речь идёт о «Царских курганах». Они могли быть до 100 м в диаметре и до 18 м в высоту. Многие из них разграблены ещё в древности, но некоторые явились настоящей сенсацией века, будучи своеобразными «архивами» для истории, а также хранителями несметного количества предметов искусства. Например, в кургане Аржан-2 в Туве было найдено 9300 предметов, из которых 5300 — золотых (раскопки 2000 – 2005 гг.). Это богатейшая сокровищница на территории Сибири и всего Евразийского степного пространства. Или курган Иссык недалеко от Алма-Аты, в котором был погребён «золотой человек» — на нём было более 4000 бляшек и пластинок из золота.

Особое место в ряду сенсаций занимает Пазырыкский курган на плато Укок с «ледяной принцессой», сохранившейся благодаря особым климатическим условиям Алтая. Она пробудила творческие фантазии в художественном мире и интерес алтайцев к собственной истории.

Ю.Н. Рерих и как искусствовед, и как археолог не мог обойти вниманием в своих работах искусство скифов — это удивительное явление скифской эпохи. Он не только выразил собственную оценку скифского искусства, но и был в курсе археологических открытий своего времени. С особым вниманием он следил за достижениями российских учёных, считая их пионерами археологических открытий в скифологии.

Очень значимо высказывание Ю.Н. Рериха, что скифское искусство — это «подлинно кочевое искусство Средней Азии». Особый художественный стиль, распространённый в искусстве кочевников, и «его громадное влияние на искусство соседних культур поставили на очередь вопрос о культурной роли кочевников»⁵. Реконструкцией мира кочевников, по мнению Юрия Николаевича, должна заниматься новая отрасль восточной археологии — кочевниковедение.

³ Там же. С. 174.

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. С. 29.

Итак, скифское искусство, зародившись среди иранских племён, значительно обогащалось и изменялось под влиянием других кочевых племён, живших в скифскую эпоху. Заимствуя иранские сюжеты, они вносили в них свои собственные элементы. Таким образом, и Передняя Азия, и Индия, и Греция, и Дальний Восток, и Западная Сибирь оказали влияние на его развитие и определили его своеобразие.

Сибирь, где находилось несколько центров скифского искусства (Тува, Минусинская котловина, Южная Сибирь), внесла настолько большой вклад в его развитие, что оно стало называться скифо-сибирским.

Одним из центров развития скифо-сибирского искусства в V в. до н.э. стал и Алтай, о чём свидетельствуют материалы Катандинского, Берельского, Пазырыкского и других курганов.

Характерной особенностью скифо-сибирского изобразительного искусства является преобладание животных форм, что и явилось основанием для возникновения термина «звериный стиль».

В течение многих веков скифо-сибирский «звериный стиль» занимал центральное место в искусстве кочевников, оказывая влияние и на соседние культуры. Материалом для изображения животных служило всё, что было под рукой, — и войлок, и кожа, и дерево, и, конечно, золото и серебро и др. Изображались различные животные, в зависимости от региона, от времени, от роли того или иного животного как в материальной, так и в духовной жизни племён. На Алтае это были животные местной фауны — лось, олень, горный баран, козёл, сайгак, кабан, барс. Встречались также животные иноземного происхождения — лев и тигр, фантастические звери — грифоны, орлиные и львиные (С.Р. Руденко).

Но самое впечатляющее в «зверином стиле» и, может быть, главная причина его долгой популярности — это динамический характер изображения. В «зверином стиле» отсутствует статика, фигуры животных или сцены с несколькими животными — это не застывшие картинки. Они полны жизни, движения, несмотря на условность, стилизованность изображения.

Можно только восхищаться мастерами, создававшими эти шедевры, их знанием внешнего вида животных и их анатомии, а также поведенческой реакции в разных ситуациях.

Часто преувеличенно подчёркиваются видовые особенности того или иного животного — ветвистые рога оленя, пасть хищника, копыто, кривой клюв грифона и т.д. Лось, олень, козёл изображались часто в позе жертвы, в которой, например, олень представлялся лёжа, с поджатыми ногами и передними копытами, наложенными на задние.

На Алтае были очень популярны сцены борьбы животных или «терзания» — когда одно животное терзает другое. Как правило, хищники или грифоны нападают на копытных, вскакивая на спину и впиваясь когтями.

«Скифо-сибирский звериный стиль» — излюбленная исследовательская тема у искусствоведов. Но она очень интересна и с точки зрения религиозно-мифологической. Животные — неотъемлемая часть жизни кочевников. Несомненно, что некоторые из них имели особое сакральное значение. Ведь для жертвы выбиралось не каждое животное.

Если кочевник украшал себя изображением какого-либо животного, он, как считалось, приобретал и какое-то его качество. Недаром существовал обычай поедания сердца врага или выпивания его крови, чтобы приобрести его качества.

Естественно возникает вопрос: какую возможность являет «звериный стиль» в проблеме реконструкции мировоззрения общин древних кочевников? На эту тему существует очень много интересных публикаций.

О связи человека и животных и символической роли последних может свидетельствовать татуировка на телах погребённых, являющаяся «одним из главных отличительных признаков представителей Пазырыкской культуры» (Н.В. Полосьмак).

Скифо-сибирское искусство исчезло на Востоке раньше, чем на Западе. Где-то в III в. до н.э. нашествие хуннских племён с востока положило конец одной из могучих цивилизаций Евразии. Но искусство её не исчезло бесследно. Во время пребывания в Тибете Центрально-Азиатской экспедиции (1925 – 1928 гг.) Рерихи нашли предметы, украшенные мотивами «звериного стиля» скифской эпохи. Ю.Н. Рерих подробно описал их в своей статье «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета». Он оказался первым учёным, представившим живые свидетельства контактов кочевых иранцев с тибетскими племенами.

Опираясь на древние китайские хроники, в частности на китайского историка Сыма Цяня, Ю.Н. Рерих прослеживает историю контактов между тибетцами и иранцами (юэ-чжи). В результате этих древних контактов тибетцы заимствовали у первоначальных носителей «звериного стиля» — иранцев — мотивы этого стиля и использовали их для украшения бытовых предметов и вооружения. Конечно, тибетцы внесли в это искусство и нечто своё, отчего возник «скифо-тибетский звериный стиль».

Так иранские скифы-кочевники соединили Европу и Азию, дав своё имя целой эпохе и её культурным событиям.

⁶ Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. С. 29.

В Издательском центре РОССАЗИЯ Сибирского Рериховского Общества вышли в свет книги

«РАДУЮСЬ ОГНЮ ВАШЕГО СЕРДЦА». — Из писем Е.И. Рерих к Б.Н. и Н.И. Абрамовым. — 128 с., фото. Мягкий переплёт.

Книга выпущена к 115 годовщине со дня рождения Бориса Николаевича Абрамова. Тексты публикуемых писем Е.И. Рерих к семье Абрамовых в Харбин многие годы хранились в архиве Н.Д. Спириной, ученицы Б.Н. Абрамова. В приложении даётся статья, основанная на этих письмах; в ней говорится о высокой миссии Б.Н. Абрамова, о судьбах его духовных учениц, которые находились в поле зрения Е.И. Рерих.

УЧИТЕЛЬ. НАСТАВНИК. ДРУГ: Материалы юбилейной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Наталии Дмитриевны Спириной. — 208 с. Мягкий переплёт.

С 1 по 4 мая 2011 года в Новосибирске прошли торжества, посвящённые 100-летию Н.Д. Спириной. Эти дни стали настоящим праздником духа для всех, кому дорого имя этого Человека и Поэта с большой буквы, самоотверженного служителя общего блага. Доклады и воспоминания, вошедшие в сборник, помогают снова соприкоснуться с дорогим нам человеком — Наталией Дмитриевной Спириной.

ГЕРОИКА. Перекидной календарь на 2013 г. Формат 100 x 180.

Этот календарь знакомит нас с полотнами Н.К. Рериха, посвящёнными героизму, защите Родины, победе добра над злом.

Выражаем сердечную благодарность за помощь Музею Н.К. Рериха

Александровой Е., Богашево, Томская обл.
Гридину М.И., г. Екатеринбург
Зюлиной Н.Л., г. Уфа
Ковалевскому Ф.А.
Митрякину С.А.

Осетрову В.Б., г. Междуреченск
Свиноренко С.С., г. Братск
Шипулину П.М., Иркутская обл.
Шишкиной Н.В., г. Новосибирск
Федюшкиной Т.П., г. Кемерово

По вопросам оказания помощи Музею Н.К. Рериха в Новосибирске
обращайтесь в Сибирское Рериховское Общество:

Адрес: 630099, Новосибирск-99, а/я 251. Тел./факс: (383) 218-06-71; 210-34-55; тел.: 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru
Средства просим перечислять на расчётный счёт: **Получатель:** ИНН 5407119062, Сибирское Рериховское Общество,

Р/сч 40703810144070130495. **Банк получателя:** Сибирский банк СБ РФ, г. Новосибирск, БИК 045004641,

Кор/сч 30101810500000000641; с пометкой: «Благотворительное пожертвование на ведение уставной деятельности для Музея Н.К. Рериха».

Учредитель: © Сибирское Рериховское Общество. При перепечатке любых материалов обязательно предварительное согласование с редакцией.

Основатель журнала «Восход» – Наталия Дмитриевна Спирина.

Издание основано в 1993 г., зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ. Свидетельство ПИ № 77-9359. Тираж 800 экз.

Цена свободная.

Редакционный совет: Н.Ф. Василькова, Т.М. Деменко, С.А. Деменко, Н.М. Кочергина, А.А. Резванцева, И.И. Сереброва, Ю.В. Цыганкова.

Редактор В.В. Игнатьева, цветокорректор С.А. Ковалёва.

Адрес Издательского центра РОССАЗИЯ: 630099, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 38. СибРО, редакция.

Телефон: (383) 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru. Сайт журнала: <http://voshod.sibro.ru>

Подписка: в книжном отделе СибРО «Искры Света». По заявке высылается бесплатный каталог.

Адрес: 630007, г. Новосибирск-7, а/я 126, ООО «Искры Света». Отдел «Книга-почтой».

Тел./факс: (383) 218-09-50; e-mail: knigisibro@inbox.ru. Интернет-магазин: <http://knigisibro.ru>

Отпечатано в типографии ИД «ВОЯЖ», г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Н.К. Рерих. ГИМАЛАИ. 1934

Наталия СПИРИНА

Спокойствие и радость бытия...
Чего ещё хотим мы в этом мире?!
Всё остальное — только проба силы
В борьбе за Вечность,
и для нас Земля
Трамплин.
Покуда мы не оттолкнёмся,
Мы не сумеем в Беспредельность плыть.
Она зовёт нас.
Быть или не быть?
Во прахе гнить
иль к небесам взовьёмся?

Решаем мы. В нас — выбор и судьба:
Полёт свободы или цепь раба.

Безбрежна радость вечного пути,
Безмерна сила в вихрях обрести
Тот стержень духа, где покой царит,
Ничем непоколебимый, как гранит.

Он щит свободы духа от преград,
От всех ударов
и от всех утрат.

18.09.1976 г.